

Малик Уразбаев

ПОЛ.ЛИТ-РА

Малик Уразбаев

ПОЛ.ЛИТ-РА

©2019

Оглавление:

ПРОШЛОЕ

Информатор.....	5
Бой с тенью.....	10
Галантерейные дамы.....	20
Стук победы.....	43

НАСТОЯЩЕЕ

Полати №6.....	65
Новоблагославенный.....	82
Фарш насущный, категория "А".....	95
Падунатой.....	104
Падёж оков №2.....	144
Просохшие.....	155

Шахиды эпохи.....	162
Мобили.....	174

ПУТИНИАНА

Сиськи-масиськи.....	184
Социальный лифт.....	194
Гамлет 007.....	199
Дюймвовка.....	213
Золото "Скифа".....	224

ΠΡΟΠΛΟΕ

ИНФОРМАТОР

Жил-был мальчик. И жил он недолго. Тринадцать лет девять месяцев и двадцать один день. Ему еще очень повезло: в ту пору продолжительность жизни в Европе стремительно приближалась к нулю.

История мальчика могла закончиться и гораздо раньше: двадцать третьего октября тысяча девятьсот сорок четвертого года он сбежал из дома, чтобы вступить в отряды «Фольксштурма», но уже на следующий день его отец, трудившийся гауптшарфюрером СС в комендантуре «Дорь», смог, используя свое служебное положение, задержать сына на соседней железнодорожной станции; через сутки поезд, направлявшийся в Берлин, попал под зажига-

тельные бомбы союзников: зажглись все. Но мальчик об этом даже не узнал и прожил еще три года десять месяцев и неполные одиннадцать дней.

Поздним вечером второго сентября тысяча девятьсот сорок восьмого года мать мальчика сложила в жестяную коробку ломоть хлеба, три отваренных картофелины, луковицу, румяное яблоко и две американские сигареты. Это был суточный рацион ее мужа, который скрывался в лесной землянке неподалеку от полуразрушенной деревеньки в окрестностях Зуля, куда беспокойным летом сорок пятого пробралась семья гауптшарфюрера, спасаясь от полной и окончательной денацификации.

Мальчик поцеловал мать, спящую младшую сестру, парализованного дедушку, потрепал по холке хромого на две лапы одноглазого добермана, вышел из дома и зашагал в направлении леса. Шел он проторенной дорогой совсем недолго: как только за спиной скрылся тусклый свет занавешенных окон, он свернул в сторону, бегом пересек убранное капустное поле, затем второе, третье...

Он бежал и ни о чем не думал. Все было уже решено, прилежно записано на листе бумаги, вырванном из школьной тетради, сложено вчетверо и спрятано на груди; теперь предстояло только добраться до ближайшей советской комендатуры, и он просто бежал.

Пять тысяч сорок третьей сутки жизни выдались солнечными. Сидя на теплых камнях набережной Хазеля, мальчик с аппетитом доел последнюю картофелину, докурил последнюю сигарету, беззаботно поболтал ногами над водой, потом убрал сложенный вчетверо лист в жестяную коробку, закрыл ее плотно, встал, отряхнул шорты, подтянул под колени съехавшие гетры, пригладил так и не вышедшую из моды челку и вдруг увидел советский военный патруль: двух рядовых и ефрейтора, вооруженных пистолетами-пулеметами Шпагина; бросился к ним, размахивая жестяной, затараторил, что знает, где прячется опасный нацистский преступник, что готов хоть сейчас показать место, что нужно торопиться...

Мальчика застрелили на месте. То ли рядовой состав Красной Армии по своей полной неграмотности Эренбурга начитался, то ли он был в корне не согласен с подходом

товарища Сталина к буржуазной науке генетике и считал, что дети за отцов все-таки отвечают, то ли это водка да широкая натура, стрельнувшая от пуза всером...

Тело мальчика тем же вечером выловили чуть ниже по течению; важная бумага с подробной информацией и детальным планом подходов к землянке совсем не промокла, и отца мальчика поймали на следующий день.

Историю, конечно же, пришлось подредактировать: труп высушили, перевезли в лес и задействовали коварного дедушку со злобным доbermanом...

Так самый обычный мальчик из хорошей немецкой семьи на сорок с лишним лет стал легендарным Паулем Фростом, персонажем книг, кинофильмов, песен и пьес, настоящим героем всех пионеров имени Тельмана.

ЭПИЛОГ

В тысяча девятьсот девяностом году Историю в очередной раз стали переписывать, и Адольф Фрост, гауптшарфюрер СС из

комендатуры концлагеря «Дора», превратился в крепкого хозяйственника, кормильца земли немецкой, а его сын Пауль в доносчика, предателя, стукача, фискала и ябеду...

Каждому по его разумению.

БОЙ С ТЕНЬЮ

Когда простого советского хиппи Бэзила пригласил на внеочередную беседу участковый инспектор милиции, тот нисколько не удивился и не встревожился, а воспринял как должное: жизнь подражателя западным «хиппи» сама собой подразумевала общение с органами правопорядка на предмет профилактики антиобщественных проявлений. За несколько лет подобных бесед у Бэзила и капитана-участкового установились теплые дружеские отношения: первый, руководствуясь девизом «make love, not war», старался с властями не ссориться, а у второго и без подражателей хватало дел.

В назначенный день и час ребенок-цветок уверенным шагом вошел в опорный пункт милиции, который оказался непривычно безлюден и потому тих, словно забытый погост. В коридоре перед своим кабинетом сосредоточенно смолил «Приму» участковый.

- Явился для профилактики тунеядства и алкоголизма, - пошутил Бэзил.

- Проходи, - не поддержал его почин капитан,

- Там... Там с тобой кое-кто пообщаться хочет,

- и его тяжелая рука легонько направила подражателя западным «хиппи» напрямиком к двери.

В кабинете за столом участкового похозяйски устроился молодой мужчина плакатной наружности в костюме и галстук. При появлении Бэзила мужчина с плаката ожил и быстро захолопнул стандартную картонную папку «Дело», один лишь вид которой вызвал у хиппи чувство неопределенного беспокойства.

- Шайкин? Василий Семенович? Рад вас видеть. Проходите и присаживайтесь.

- Можно и без отчества, - не своим голосом ответил Шайкин Василий и, с трудом оторвав взгляд от папки, занял краешек стула.

- Скромность украшает, - улыбнулся плакат, -
Лейтенант Цветов Борис Владимирович, -

скороговоркой представился он же, легким движением руки извлекая из нагрудного кармана уголок «жорочек».

Шайкин сглотнул «очень приятно» и закрепился на стуле. Изо всех сил стараясь не смотреть на папку - на выглаженное лицо лейтенанта смотреть и вовсе не хотелось —, он уставился в пол, воображая себе в картинах содержимое «Дела»: сплошь мрак и преступления...

Цветов же, снисходительно улыбаясь, внимательно разглядывал олдскульного хиппи и события не торопил. В течение нескольких дней он находился в некоторой растерянности. У него был недвусмысленный приказ начальства выявить настроения в молодежной среде, однако после всего того несвязанного лепета, который он услышал от несовершеннолетних металлистов, панков и прочих рокеров он совершенно перестал понимать, что так беспокоит руководство страны. Последним в списке значился подражатель западным «хиппи» по кличке Бэзил, который был двумя годами старше Цветова; он представлялся наиболее сильным противником, и накануне предстоящей беседы лейтенант даже пролистал конспект, чтобы встретить идеоло-

гического врага во всеоружии.

- Молчим? Не солидно, товарищ Шайкин. В вашем-то возрасте...

- Я не молчу. Вы же меня вызвали...

- Пригласили.

- Вызвали, пригласили... Какая... - взгляд Шайкина опять скользнул по папке и он осекся: разница между двумя глаголами была на столе.

- Это ты напрасно так, Бэзил. Ты уж позволишь мне на «ты»? В английском же нет «вы», isn't it? – продемонстрировал свои знания иностранных языков Цветов.

Шайкин затих, не находя в голове ни одной связной фразы: абсолютно все его мысли были сосредоточены на папке. В идеологические диверсанты он, конечно, совсем не годился.

- Или прикидывается простачком? – озадаченный лейтенант начал барабанить пальцами по папке, что вывело Шайкина из ступора:

- Товарищ лейтенант... Это... Я не понимаю... Здесь, вероятно, какая-то ошибка...

- Ошибка?

- Не ошибка, нет, а, как там его, недоразумение... Да, недоразумение.

- Недоразумение?

Шайкин кивнул.

- Недоразумение – это то, что ты, блестящий студент, отличник боевой и политической...

У Шайкина отлегло на сердце:

- Ну, конечно, именно недоразумение. Они просто перепутали, перепутали его с кем-то другим, с каким-то блестящим студентом, отличником и... Как там это еще сказал этот... А он в общем нормальный мэн, и чего это все о гэбэшниках не пойми что придумывают, - заулыбался Василий и уже собрался было поделиться своей радостью с миром в лице лейтенанта КГБ.

- Шучу, - подрезал ему крылья Цветов. – Знаем мы, что ты никакой не блестящий студент. Дотянули тебя кое-как до диплома. Спасибо папе с мамой. И дяде, который твоего декана в кооператив впихнул без очереди... По специальности и дня не проработал.носишь почту на полставки. И то, чтобы только участковый, добрая душа, тебя не трогал... Еще пластинками иностранного производства у «Мелодии» спекулируешь...

Под грузом предъявленных обвинений Шайкин снова ощутил себя гражданином и сжался в комок, а лейтенант, довольный произведен-

ным эффектом, откинулся на спинку стула и достал мягкую «Яву».

- Спички есть?

Шайкин судорожно захолопал по карманам своих тертых джинсов.

- Пластинки и джинсы – это все мелочи. Ты мне, Василий, вот что скажи. Какие у вас сейчас соображения по поводу решений партии и правительства и международной обстановки в целом? – Цветов решил больше не тянуть резину и взял быка за рога.

- Никаких, - Шайкин, наконец, нашел коробок и аккуратно положил его на стол.

- Так и никаких? - Цветов закурил и выпустил струю густого дыма над головой хиппи.

- Я за других говорить не могу. Я про себя только.

- Давай про себя. Потом посмотрим.

- Что смотреть-то? Не знаю я ни о каких решениях. У меня телевизор сломан, - зачем-то соврал Шайкин. - И вообще, движение хиппи вообще вне политики...

- А манифестации против вьетнамской войны? Или против, то есть за этих, за негров? Это, по-твоему, не политика? «Международная молодежная партия» опять-таки... Слышал о

такой?

Шайкин пожал плечами.

- Этот еще хуже подростков, - подумал Цветов.

- У нас и войны никакой нет.

- А если бы была?

- С кем?

- Это как пример, - Цветов раздраженно бросил недокуренную сигарету в банку из-под майонеза.

- Не знаю. Мы-то здесь при чем? И вообще... Чего вы к нам привязались? Объясните. Вам больше делать нечего? Мы же просто... Мы просто повеселиться хотим, вот и все. Подумаешь, волосы длинные, фенечки... Ну и что? Кому от этого хуже? Мы же ничего такого не делаем... И не собираемся. Просто тусуемся без собраний, повестки дня, голосований, резолюций и... И вообще... А против войны и чернокожих негров пусть они у себя там в своей Америке выступают. Бесят с жиру только. Дались им эти негры! Вон, у Лумумбы их полным-полно... Стоят кучками и трещат по-своему... Когда только учиться успевают?

Шайкина вдруг прорвало, и пока он изливал измученную неграми, а заодно и соседями по лестничной клетке душу, лейтенант Цветов

снова и снова спрашивал себя, не дуют ли в ЦК на молоко? Все беседы, которые он провел, сводились к одному и тому же: мы просто хотим веселиться. Никаких убеждений, идей, а уж про «протестовать» и говорить нечего. Мы просто хотим ВЕ-СЕ-ЛИТЬ-СЯ.

- Почему нельзя веселиться как все, без грязных патл и этих дурацких шнурков на запястьях, - думал он. – Сами же себе лишние проблемы устраивают. Постригись, постирайся и веселись себе на здоровье... Вон, комсомольцы такое после собраний вытворяют, что этим цветам с их «свободной любовью» и не снилось. И нам работа...

Цветову вдруг стало нестерпимо обидно: он, подающий надежды лейтенант КГБ, вместо того, чтобы выявлять враждебную деятельность и пресекать идеологические диверсии, должен выслушивать каких-то кретинов.

- Пошел в жопу, - тихо оборвал он подражателя западным «хиппи».

- Что? – Шайкин не поверил своим ушам.

- Пошел в жопу, мудака патлатый!

Шайкин отпрянул от стола и чуть не свалился со стула, - удержал взгляд, чудом зацепившийся за папку.

- Я могу идти?
- Подпиши вот тут и гуляй.
- Я... свободен?
- Спички не забудь.

Когда за хиппи закрылась дверь, Цветов помассировал пальцами виски, потом достал из-под стола литровый термос, налил в крышку сладкий кофе и открыл папку. Там, заботливо завернутые мамой в белую бумажную салфетку, ждали его два сплюснутых бутерброда с тонко нарезанным сервелатом из последнего праздничного заказа. Вкус финской колбасы и индийского растворимого кофе развеял все сомнения.

- ЦК ошибаться не может, - твердо решил лейтенант.

Вечером того же дня на флэту у Джули Бэзил до положения риз хвастался, как послал в жопу гэбэшника; лейтенант КГБ Борис Владимирович Цветов до полуночи сочинял отчет о негативных проявлениях среди учащейся и студенческой молодежи; участковый инспектор милиции оформил восемь протоколов на тунеядцев, дебоширов и пьяниц.

ЭПИЛОГ

Василия Семеновича Шайкина посадили через пару лет. Ничего особенного, никакой политики. Три года «химии» за шесть минут «Калигуль», и дядя не помог.

ГАЛАНТЕРЕЙНЫЕ ДАМЫ

Каждый, кто хотя бы немного знаком с всемирной историей, прекрасно знает, сколько сломано копий, мечей, сабель, птыков и перьев из-за столицы Франции Парижа. Он чихал - Европу трясло, его трясло - Европа чихала... Он стоял не только мессы, он стоял боев, сражений и битв, он стоял настоящей бойни, он стоял Великой войны... Одним словом, премерзейший городишко. Не удивительно, что завязка и этой произошедшей на необъятных просторах СССР печальной истории случилась не где-нибудь, а именно в городе Париже, будь он неладен.

Начало будущей катастрофе положила информационная программа «Время» от 2 октября 1985 года.

В ту среду, как обычно, белые стрелки на синем циферблате показали двадцать один час ноль-ноль минут, и кремлевская звезда под музыку Свиридова выпустила толстую загогулину «ТВ СССР» куда-то в район Атлантического океана. В этот самый момент в своей квартире по адресу Фруктовая улица, дом 9а сорокатрехлетняя Изольда Степановна Томатова-Килькина расположилась на продавленном диване, заботливо покрытым плюшевым и пятнистым, как шкура леопарда, пледом перед громоздким, но цветным «Темпом», вставила в длинный янтарный мундштук «Столичную», облокотилась на вышитую крупным крестиком думку и обратила взор своих томных очей на экран, где дикторы торжественно сообщили об официальном визите Генерального секретаря коммунистической партии Советского Союза Михаила Сергеевича Горбачева во Францию, после чего подключили к прямому эфиру специального корреспондента ТАСС в Париже.

И Изольда Степановна потеряла по-

кой... Ее не беспокоило то, что в ядерно-космический век на тех, кому доверено руководство государствами, ложится неизмеримо большая ответственность, чем прежде, ни взаимная сдержанность, ни ясные проявления мирных намерений, ни политический диалог между Востоком и Западом... Все это было ей, научному сотруднику НИИБИМБОМ, что называется, «до фонаря». Единственно, что по-настоящему взволновало Изольду Степановну - это очередное появление на публике Раисы Максимовны Горбачевой или - в сложно-интеллигентье - просто Райки.

Пытливый читатель младшего поколения, обратившись к сляпанной кем и как попало энциклопедии, сможет узнать, что до Раисы Максимовны Горбачевой «первые леди страны» являлись таковыми лишь формально. И лишь изредка сопровождали они своих Генеральных секретарей на международных приемах и раутах, взвалив эту непосильную обязанность на женского космонавта Терешкову, которой было не привыкать к экстремальным перегрузкам.

Чем занимались первые леди в то время, когда их государственные мужья в компании Вальки решали судьбы того мира? Хранили они домашний

уют или, наоборот, разбрасывали вещи по пыльным углам? Неизвестно. Это была государственная тайна. И как выяснилось впоследствии - одна из самых главных, если не самая главная.

В течение следующих пяти минут Изольда Степановна, забыв стряхивать пепел чадающей «Столичной», не отрывала глаз от телевизора. Ничто не ускользнуло от ее придирчивого взора, ни одна малейшая деталь Райкиного наряда. А уж когда та оказалась по соседству со страшной, как ожидаемая со дня на день атомная война, но элегантной, как все парижанки, мадам Миттеран, товарищ Томатова-Килькина не смогла сдержать злорадно-ехидного смешка и сильно пожалела, что ее единственная дочь Эсмеральда еще не вернулась с «картошки» и не может видеть этого позорища в платье цвета египетских саркофагов из Музея им. Пушкина.

Однако поделиться впечатлением хоть с кем-нибудь было необходимо тотчас, и она вцепилась в трубку выполненного в стиле ретро телефонного аппарата «Стелла». К сожалению, номера подруг и товарок были заняты. Пришлось звонить своему бывшему мужу

Севе, Всеволоду Захаровичу Килькину.

Ответила его очередная жена Верочка, Вера Сергеевна Килькина-Прянова. Верочка не любила - что вполне естественно - «твою бывшую» и немного побаивалась ее, потому сразу попыталась передать трубку супругу, но Изольда Степановна без манер перебила «твою дуреху»:

- Верочка, вы телевизор смотрите?

- Да. То есть... нет.

- Как? Вы не видели, что Горбачев в Париже?..

- Кто? А-а... нет, конечно... А что?..

- Ничего. Для тебя - конечно, ничего... Передай Всеволоду Захаровичу, что я ему потом сама позвоню... - и она прервала разговор на полуслове: Верочка окончательно опустилась в ее глазах, перейдя в разряд «никчемных идиотов».

Следующий разговор с близкой - не очень, но все же - давней подругой по университету Камиллой состоялся только через восемь минут: все звонили друг другу и, соответственно, никто никому дозвониться не мог.

- Видела? - многозначительно вздохнув, спросила Изольда Степановна.

- Ты про эту? - и давняя подруга поведала, что

кто-то ей рассказывал, и она слышала, что кто-то говорил, что якобы та - имена предусмотрительно опускались - одевается у, кажется, вроде бы самого Зайцева.

Повествование было подкреплено ссылкой на людей, знавших тех самых «кто-то», а также их знакомых товарищей. Изольда Степановна ни на секунду не поверила в эту чушь - Камилла работала в неакадемическом институте и быть в курсе таких подробностей просто не могла - но получила еще один весомый аргумент против известного модельера, поругивать которого считалось хорошим тоном. Она закончила часовое общение и отключила телефон, следуя народной традиции, когда серьезные дела следует оставить до утра.

По телевизору начался телесериал «Следствие ведут ЗнаТоКи», и Изольда Степановна пошла на кухню, попить чайку: ей не нравились ни полковник Знаменский, ни майор Томин, про эксперта Леждей и говорить не стоит. На ночь глядя она пересмотрела репортаж о визите Горбачева в Париж в программе «Сегодня в мире», которую, к ее досаде, вел плюгавый Сейфуль-Муллюков, а не красавец Фесуненко или на худой конец

лощенный Цветов, потом проверила состояние проращиваемой в тарелке со сколотым краем пшеницы, и, выпив ровно полстакана собственноручно приготовленного омолаживающего мацони по рецепту журнала «Наука и жизнь», отправилась на боковую.

Если бы непосвященный гражданин смог миновать заслуженных пенсионеров ВОХР и пройти по коридорам, кабинетам и лабораториям советского НИИ, он непременно удивился бы царящей там беззаботной и радостной атмосфере и задался вопросом, каким образом при подобном безделье космические корабли бороздят, ядерный щит куется, а химические соединения продолжают оставаться боеспособными.

Ответ на эту загадку прост: как только профан покидал стены института, все, от лаборанта до директора, предварительно испив чай с бутербродами, решив кроссворды и обсудив последние инициативы партии и правительства, принимались за ударный научно-технический труд при том, конечно, условии, что в соседних магазинах вдруг не выкинули на прилавки дефицит или не было других более насыщенных и интересных занятий.

Утром 3 октября 1985 года мужская половина лаборатории БИМ обсуждала крупные победы «Спартака» над финнами и Лобановского над «Утрехтом», а женская занималась дотошным разбором поведения в Париже Раисы Максимовны. И в то время как сильная половина спорила до хрипоты о тактике, технике и арбитраже «не в нашу пользу», слабая консолидировалась. Сложно себе представить ситуацию, когда приблизительно одинаковые по возрасту, социальному статусу и материальному положению дамы были совершенно схожи в своих мнениях. Тон, как и следовало ожидать, задавала авторитетная Томатова-Килькина, которая славилась - и не только в своем НИИ - неотменным вкусом к клетчатым юбкам миди, мохеровым кофточкам, крепе-шиновым блузкам с вытачкой и ярким шелковым шарфикам. К обеду к ним присоединились товарки из лаборатории БОМ и ученый совет; единение стало всеобщим, и иронию сменил сарказм, как вдруг по этажам прошел слух, что в универмаге дают то ли туалетную бумагу, то ли японские мужские зонты, и «эта Райка» отошла на второй план.

Туалетная бумага закончилась до оче-

реди, и Изольда Степановна, обреченно вздохнув, купила про запас зонт-автомат для подарка какому-нибудь мужчине или все тому же Севе, или гипотетическому жениху Эсмеральды.

После обеда научные исследования возобновились. В гости наведальась бывшая лаборантка Галина: несколько лет назад она удачно выскочила замуж за зубного техника, подрабатывающего ювелиркой, и с тех пор, как она сама же и шутила, делала успешную карьеру любимой жены. Галина пришла просто поболтать и заодно принесла свежий номер журнала «Бурда». Изольда Степановна позвонила техникам, но работающий в НИИБИМБОМ слесарем широкого профиля выпускник немецкого отделения ИнЯза Александр Георгиевич, он же Александр, он же Саша, он же Саня, он же Шура, он же Шурик, он же Алекс уже не вязал и лыка, и перевод заграничной тарабарщины пришлось отложить. Тогда на свет появились калька и химические карандаши, и к концу рабочего дня все выкройки были тщательным образом скопированы и снабжены подробной легендой.

По дороге домой в переполненном

вагоне метро Изольда Степановна потела духами «Фиджи» и прикидывала, как распорядиться будущим авансом, чтобы хватило и на отрез для нового платья, и на портниху Таню; еще нужно было закончить остекление балкона: туда она хотела поставить телевизор - они, по слухам, горели -, чтобы спасти хотя бы квартиру; а еще была Эсмеральда, продукты питания, порошок «Лотос» и туалетная бумага... Баланс не сходился, и платье, к великому огорчению, пришлось укоротить до блузки, потом и вообще исключить из списка, и, подъезжая к «Нахимовскому проспекту», она пожалела о покупке зонта.

Вечером в программе «Время» передали репортаж из мэрии Парижа. Горбачева опять была не на высоте, и раздраженная Томатова-Килькина выключила телевизор - это становилось невыносимым. Она затушила сигарету и сперва обошла квартиру, потом сделала короткую ревизию нарядов во всех трех платяных шкафах и, укутавшись в оренбургский платок, закурила снова.

Лавируя между столиками и пуфиками, Изольда Степановна несколько раз прошла по гостинной туда и обратно, посмотрела в окно: во

дворе выгуливали собак собачники и гомонящие подростки курили у костра, сложенного из ящичков.

Она с досадой подумала о том, что раньше «эти» хотя бы не вылезали на публику со своей коллекцией мод. Товарищ Томатова-Килькина ни в коем случае не была диссиденткой, хотя прочла в самиздате и «Архипелаг ГУЛАГ», и «Камасутру», и все же столь бесцеремонное вторжение в ее вотчину показалось ей нестерпимым. Легче было принять китайский вариант - как она его себе представляла еще с шестидесятых - когда все до одного походят друг на друга и не выделяются из общей массы. Согласиться же добровольно и без борьбы на вечно вторую роль еще и в качестве женщины - с большой буквы - она не могла. Оставалось принять вызов и ответить на него достойно, в соответствии с высоким званием советского ученого, отправителя человека Земли в далекий космос.

Изольда Степановна выбросила окурок в форточку и доло задергивала шторы: ей предстояло проверить самодельный тайник, где хранились сберегательная книжка, записка «на самый крайний случай» и крупный зеле-

ный камень, доставшийся в наследство, который никак не хватало смелости ни пойти оценить, ни отдать для оценки. Инспекция схрона, устроенного на дне фарфоровой вазы с пластмассовыми цветами, была недолгой и лишней раз подтвердила, что сто пятьдесят рэ - без премии - совершенно недостаточно, чтобы высоко держать знамя. Старательно скрыв семейный клад, Изольда Степановна снова закурила и снова задумалась.

Делать руками она ничего не умела, богатых кавалеров на примете не было, поэтому единственно возможным способом приработать вырисовывалось физхимико-математическое репетиторство. Подобная перспектива ее совсем не радовала. Она не любила детей и в свое время очень обрадовалась, когда Эсмеральда, наконец, выросла без скандалов и других чрезвычайных происшествий. Помимо этого ей не нравилась идея ездить за тридевять земель от своей привычной Фруктовой улицы, и она пожалела, что у соседа, тихого приветливого увальня - по слухам, мясника из университета - нет ни жены, ни подростков выпускного возраста.

Окончательно измерив массу всех про

и всех контра, она решительно сняла трубку «Стеллы» и связалась с бывшим супругом Килькиным. Наскоро поинтересовавшись состоянием язвы его двенадцатиперстной кишки, Изольда Степановна перешла к делу и попросила займы полтинник, а лучше в итоге сказала она:

- Найди мне, Сева, какого-нибудь оболтуса... Из тех, кто побогаче...

Всеволод Захарович был без пяти минут член-корреспондент Академии наук СССР и время от времени общался с сильными мира того, поэтому ответил просто:

- Золя, ты же знаешь, они и так куда угодно поступят...

- Знаю, но зачем же быть идиотами? Пусть хоть выглядят, как нормальные люди... - категорично парировала Томатова-Килькина.

Она сделала бесповоротный выбор: следовало непременно шить и шить именно платье и только платье и никаких гвоздей, и что на гвозди для балкона тоже должно остаться...

Килькин взял мхатовскую паузу.

- Алло, Сева... Ты еще там? Сева, ты меня слышишь?..

- Слышу... Извини, Золя, мне надо идти... - от-

ветил Всеволод Захарович, - Я подумаю над этой проблемой, - и положил трубку.

Изольда Степановна тоже положила трубку, улыбнулась себе и румынскому гарнитуру и пошла на кухню, перекусить. Теперь она была абсолютно спокойна: в устах будущего член-корреспондента Академии наук СССР «я подумаю над этой проблемой» означало, что решение будет найдено в самые кратчайшие сроки. Иначе, какой же он член-корреспондент.

Общеизвестно, что в Союзе Советских Социалистических Республик бедных, а уж тем более нищих не было. Каждый мог снискать себе хлеб насущный или добровольно, или под чутким руководством и надзором сотрудников внутренних дел.

Также общеизвестно, что в стране не было ни богатых людей, ни индивидуумов побогаче, коль скоро их не могли найти ни Министерство финансов с его сверхмощным налоговым аппаратом, ни ОБХСС.

Наконец, несомненно, что, раз в стране бродят хоть какие-нибудь денежные знаки, должны быть люди, у которых их много, очень много, должны быть очень богатые люди. Такие индивидуумы, безусловно, существовали и в СССР, и они не просто существовали, они жили полной, насыщенной всеми

товарами народного потребления жизнью.

В один из последних дней осенних школьных каникул нарядная Изольда Степановна - после занятий ей предстояло ехать в гости к друзьям - добралась на трамвае до улицы Осипенко, быстро прошла дворами к дому 4/22б по набережной Максима Горького и ровно без пяти минут три была у подъезда. На строгое «вы к кому?» жилистого старичка-консьержа в синей фуражке с красным околышем она уверенно назвала номер квартиры Пешкиных и поднялась в просторном лифте на одиннадцатый этаж. Дверь открыла дебелая розовощекая домработница.

То, что Томатова-Килькина увидела, не просто ошеломило ее, то, что она увидела, не показывали даже в фильмах производства капиталистических стран.

Несколько раз Изольда Степановна уже бывала в «богатых домах», один раз вместе с Камиллой в гостях у знаменитого театрального режиссера, второй - опять-таки с Камиллой - у известного художника. В первом случае жилище напоминало выставку антикварной мебели разных стран и эпох, во втором -

конструктивистскую избу, где с порога хотелось переодеться в холщовую рубаху и поневу и заголосить во всю ивановскую «Калинку-малинку».

Квартира Пешкиных не походила ни на одну из прежде виденных. Никаких бронзовых люстр с канделябрами, никаких в золотых рамах зеркал, никаких бархатных штор и ламбрекенов с кистями и воланами... Это квартира была настолько из совершенно другого мира, что и спустя тридцать с лишним лет Изольда Степановна усмехнется - в душе - над своей рожденной в Мюнхене внучкой и ее австрийским бойфрендом из очень - очень! - обеспеченной семьи, которые будут грезить обстановкой из шведской ДСП.

Старшие Пешкины отсутствовали, и домработница Люся по-хозяйски проводила ее длинным широким коридором до комнаты «нашего Лешеньки», бледного прыщавого десятиклассника. Мальчик поздоровался, с нарочитым неудовольствием выключил видеомэгнитофон, прервав - на самом интересном месте - монолог Брюса Ли, и нехотя взялся за неподдающиеся ему науки.

«Говорили, Алеша Пешкин шарил в точных науках не хуже Изольды. А шлангом он прикидывался в тайной надежде, что в репетиторши к нему наймут не «это утильсырьё», но какую-нибудь студенточку или, на худой конец, аспирантку. Пусть и не красавицу. И для их соблазнения у него были заранее заготовлены и французский текстиль, и стереокассеты с популярными английскими и американскими исполнителями, и незатейливые денежные знаки с точеным профилем Владимира Ильича Ленина» («Бакалейные подростки»).

Два академических часа, прерванные ароматным швейцарским кофе и домашними пирожками с консервированным ананасом и корицей, пролетели незаметно. Поначалу Изольда Степановна думала только о шокирующем советскую действительность интерьере, но потом взяла себя в руки и с удовлетворением отметила у себя незаурядные педагогические способности. Она продиктовала ученику домашнее задание и попрощалась до следующей субботы. Потом сама дошла до прихожей, сляясь не глазеть по сторонам. Улыбчивая Люся передала ей конверт и помогла надеть расшитую гладью монгольскую

дубленку с косматым воротником.

Если не считать самой квартиры, все сложилось как нельзя лучше: ей не пришлось общаться с хозяевами, домработница знала свое скромное место в стране победивших итээров, а ребенок был подчеркнута вежлив. Она осталась довольна собой и вообще довольна, и подумала о предстоящей поездке к друзьям, и что теперь можно будет задержаться подольше и вернуться домой на такси.

В дверь позвонили; Томатова-Килькина удивленно обернулась, словно была у себя, потом посмотрела на Люсю... Та пожала плечами и открыла.

- Люсенька, это я... Я быстро... Я сумку с ключами в такси оставила... Поставь их... - в квартиру влетела жизнерадостная девушка в заливатски заломленном набок берете и завязанном небрежным узлом ярком кашемировом шарфе, поцеловала в щеку домработницу и всучила ей охапку разноцветных гвоздик, - Ой, здравствуйте... Вы, наверное, Лешкина учительница?.. - она улыбнулась, - Подожди, Люсь... - и вытащила из букета несколько цветков наугад. - С праздником вас.

Она приветливо оглядела Изольду Степановну

и, указав на свалявшуюся шерсть воротника, добавила:

- Знаете, вам надо бы это состричь... И будет гораздо лучше... Честное слово... Вот увидите... Обычной машинкой... Попросите в какой-нибудь парикмахерской...

Не дожидаясь ответа, она убежала по коридору, скрылась в комнате, тут же выскочила с длинным двухкассетным магнитофоном в руках, еще раз чмокнула Люсю в щеку и исчезла, оставив за собой аромат неизвестных Изольде Степановне духов.

- Лизавета, возьми пирожков, - крикнула ей вдогонку Люся, но дверь лифта уже захлопнулась. - Вот непоседа... Это Лизонька... Наша старшая... В Финансовом институте учится... - с гордостью пояснила она учительнице.

- А родители?.. - не смогла сдержать любопытства Томатова-Килькина.

- В санатории... В этих... Как его... В Калровых Варах... У нас Василий Владимирович суставами шибко мучается... - раскрыла медицинские подробности жизни Пешкиных не в меру болтливая Люся.

Изольда Степановна не стала ждать трамвай и направилась к «Новокузнецкой»

пешедралом. Настроение у нее ухудшилось. Ей стало очень обидно, что какая-то сопливая девчонка посмела давать ей совет. И еще она сравнила «эту Лизу» и свою Эсмеральду... Никогда у ее дочери не будет ни такого модного твидового двубортного полупальто с большими костяными пуговицами, ни сапогов-казаков, ни пирожков с ананасами - пусть и консервированными - и корицей, ни Карловых Вар, ни такой шикарной квартиры, ни... Никогда. Это был другой, совершенно другой, чужой и недоступный ей и ее кругу мир... В отчаянии она даже хотела выкинуть в первую же урну подаренный Лизой букет, но сдержалась: желтые, белые, розовые и бордово-красные гвоздики были слишком хороши, к тому же ей уже давно не дарили цветы.

Да и к чему подобная принципиальность?..

Обратившись к научным трудам по истории России, сострепанным учеными фелинологами, любознательный читатель легко найдет информацию о том, что с декабря 1985 года в столице величайшей страны началась поистине увлекательная жизнь.

Независимые свидетели могут подтвердить,

что если в те дни москвичам или гостям столицы удавалось втиснуться в забитый сотрудниками «девятки» полупустой троллейбус, следовавший по улице Горького туда и обратно, то они могли самолично удостовериться в титанической борьбе с привилегиями и прочими нехорошими излишествами, которую на радость неприхотливой публики повел, не щадя живота своего, Борис Николаевич Ельцин.

Следует также заметить, что этот вид городского транспорта сыграет в дальнейшей судьбе страны не последнюю роль.

Томатова-Килькина, которая с каждым появлением на публике словоохотливой Раисы Максимовны Горбачевой в новых нарядах все больше и больше обращалась в диссидентку, целиком и полностью поддержала инициативу первого секретаря Московского городского комитета КПСС из Свердловского об-кома. Вместе с ним она была готова нещадно бороться с номенклатурой и со всеми, кто живет на нетрудовые доходы.

За шесть лет Изольда Степановна подготовила к экзаменам и дипломам десять человек, сменила весь свой гардероб, купила по благу новый диван и два кресла, по очень

большому благу «Гаврию» и, наконец, выдала Эсмеральду за перспективного сотрудника «Межкниги».

За эти же шесть лет ее ненависть к Рансе Максимовне перекинулась и на самого Михаила Сергеевича, который - и не только по ее мнению - за это время никак не смог ни с кем достигнуть консенсуса, ни хоть как-то определиться с дефинициями. А когда на окраинах страны началась буза, и в программе «Время» стали гибнуть люди, которых интеллигентнейшее научное сообщество смежной национальности иначе как чучмеками не называло, Изольда Степановна окончательно и бесповоротно решила для себя, что Борис - прав, прав всегда и во всем. К тому же, жена уральского трибуна походила - со слов ставшей подругой Люси - на буфетчицу из затрапезной пирожковой. За такими людьми можно было идти хоть в огонь, хоть в воды Москвы-реки...

Абсолютно точно известно, что такие жертвы ни от кого не потребовались. Достаточно было проголосовать 12 июня 1991 года за Б.Н. Ельцина и А.В. Руцкого, чтобы благополучно, не

тужа ни о чем, избавиться от присутствия на голубых и черно-белых экранах надоедливой выскочки Райки.

Очень скоро жизнь стала еще увлекательней. Выяснилось, что турки и китайцы тоже шьют...

10 июля 1991 года Изольда Степановна с чувством глубокого удовлетворения просмотрела в информационной программе «Время» репортаж о вступлении в должность первого и неповторимого президента РСФСР, после чего пошла на кухню и торжественно - с лимоном и сахаром - выпила рюмку коньяка «Принц Юбер де Полиньяк», подарок своего воздыхателя из становившейся все ближе и ближе Сорбонны. В тарелке со сколотым краем колосилась пшеница...

Враг был разбит, победа была за

СТУК ПОБЕДЫ

«Мы писали, мы писали, наши пальчики устали. Мы немного отдохнем и опять писать начнем», - Иосиф Виссарионович, сжимая и разжимая затекшие пальцы правой руки, постоял у окна, посмотрел на рубиновую звезду и вернулся к освещенному лампой с зеленым абажуром столу, на котором высились стопки запечатанных конвертов.

Он набил трубку табаком папиросы «Герцеговина-Флор», закурил и принялся перечитывать неоконченное письмо.

«...А на неделе жена предисполкома велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Комсомольцы надо мной насме-

хаютя, посылают в Пищетрест за водкой и велят красть огурцы. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или шей, то предисполкома с женой сами трескают. А спать мне велят в сенях...».

Иосиф Виссарионович покачал головой, отложил трубку и, умокнув перо, продолжил: «Пожалей ты меня сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, всё плачу. А наемднн предисполкома колодкой по голове ударил, так что упал и насилиу очухался. Пропадающая моя жизнь, хуже собаки всякой... Пионер-сталинец Иван Жуков».

Иосиф Виссарионович свернул вчетверо исписанный лист, вложил его в конверт и написал адрес: «Москва, НКВД». Потом почесался, подумал и прибавил: «Лаврентию Павловичу».

Куранты на Спасской башне отбили четвертый час утра. Иосиф Виссарионович вздохнул и отложил перо, вытащил из верхнего ящичка письменного стола проверенные временем вороненые наганы, запустил руку в тумбу и, зачерпнув несколько горстей блестящих

патронов, наполнил ими карманы френча.

За окном забрезжил рассвет - самое подходящее время для расстрелов.

* * *

Ослепительные солнечные лучи настойчиво продирались в прорехи густых крон высоких деревьев и в покойном затхлом воздухе там и сям падали, словно разнотолстые сталактиты, белесым светом, выставляя на всеобщее обозрение беспокойно-бурлящее бытие безмятежной сумрачной чащи.

Тридцатидвухлетний кандидат экономических наук и старший научный сотрудник НИИНУИ Николай ступал по податливому мягкому покрову прошлогодней бурой листвы беззаботно и уверенно, и в некоторой степени гордо, поскольку заграничный американский рюкзак расправлял обычно сутулые плечи и выдавливал колесом обычно впалую грудь.

Николай всем сердцем ненавидел туристические походы, предпочитая им комфорт домов отдыха, пансионатов и санато-

риев, а еще лучше - воображаемый уют собственного маленького особнячка на берегу озера, точной копией виллы известного всей советской стране главного инженера «химического народного предприятия имени Роберта Лея» некоего Бользена, однако каждый свой отпуск в течение последних семи лет он исправно проводил в одиночном пешем путешествии по глухим углам, выбирая и среди них наименее избалованные вниманием везде-ущих ягодников и грибников.

Прожить двадцать четыре дня без длинных языков - задача не из легких. Строго придерживаясь загодя составленного маршрута, он за пару километров обходил города и по возможности все типы поселков, чтобы ненароком не повстречать какого-нибудь болтуна и, следовательно, находку для шпионов; в случае вынужденного общения с продавщицами сельпо успешно прикидывался глухонемым с точным списком необходимых ему продовольственных и промышленных товаров народного потребления; когда же по несчастью все-таки наткнулся на случайных туристов, ограничивался лишь коротким кивком, в крайнем случае - еще более коротким приветствием, после

чего незамедлительно и без стеснений ускорял шаг: в лесу запросто можно было обойтись без привычных церемоний.

Николай не был мизантропом, - наоборот, он всегда и везде тянулся к коллективу, но хотя бы две-три недели в году ему совершенно необходимо было провести вдалеке от людской молвы... Это было то, что называется, издержкой профессии... его второй профессии, его настоящего увлечения или, как говорилось, настоящего хобби...

Пять дней в неделю с десяти утра до шести вечера с перерывом на обед он, как и все другие советские экономисты, делал вид, что разбирается в экономике, и двадцать четыре часа в сутки без передышки был секретным сотрудником Комитета государственной безопасности СССР или, по мнению многомиллионной армии менее удачливых анонимов, обычным стукачом...

Каждая вербовка проходит по-разному, но все вербовки испокон веков похожи друг на друга. Николая вызвали в районное управление КГБ повесткой. Он был тогда на четвертом курсе МИНХ им. Г.В. Плеханова и готовился к летней сессии, после которой запла-

нировал отправиться в речной круиз из Москвы в Ленинград вместе со своей девушкой Вероникой. Само слово повестка в таких обстоятельствах было абсолютно неуместно, и он пришел в ужас. На вопросы «за что?», «что я такого?..», «почему?» уже давно ответили анекдоты, как выяснилось на практике, не слишком смешные, и Николай, теребя виски, принялся перечислять в уме все свои прегрешения, проступки, проказы... Осадил он себя, только когда дело дошло до детского сада, справедливо решив, что так глубоко контора бурить не станет. Потом скрупулезно составил список преступлений и методично вычеркнул все, поскольку, по его мнению, ни одно из них не имело никакого отношения ни к комитету, ни к государству, ни к безопасности...

В безликом кабинете приветливый лейтенант Крылов простыми задушевными словами вывел Николая из этого заблуждения. В клубах густого вонючего дыма «Феникса» мелкий товарообмен со студентами дружественных африканских держав превратился в покушение на социалистический строй целой страны и стал частью грандиозного вражеского заговора империалистов и их много-

численных наймитов против государства, которое неустанно заботилось о своих гражданах и, особенно, о студентах, выплачивая последним стипендию за возможность овладевать знаниями и званием лейтенанта запаса с последующим, вероятно, очень перспективным распределением...

Николай курил мало и уже второй год исключительно «Мальборо», один запах братского болгарского табака вызывал у него желание блевать, но он, тем не менее, собрался силами и всем сердцем пожалел, что из-за глупого желания разжиться и сводить лишний раз Кристину... Или это была Маргарита?.. Или Полина? Одним словом, из-за глупого желания сводить телку в «Лиру» и «Космос» он невольно стал сообщником врагов... Он сделал акцент на «невольно», чистосердечно раскаялся и выразил готовность незамедлительно загладить и тут же искупить...

Круиз «Москва-Ленинград» в компании белокурой и грудастой Анжелы прошел как нельзя лучше.

С началом нового учебного года началась и увлекательная работа... И больше она никогда не прекращалась: Николай слушал и

записывал под псевдонимом «Ветров», записав, снова слушал и снова записывал... Он никого не провоцировал и не вызывал на откровенный разговор, - в том не было никакой надобности: все, от мала до велика, от чистого сердца болтали сами; он только и исключительно исправно документировал все свои контакты и передавал их сперва Крылову, потом Ключину, потом Гузкину, Перьеву, Пухову. Его мало интересовал результат: он целиком и полностью доверял своим кураторам. Время от времени до него доходили слухи, что одному отложили защиту диссертации, другому зарубили зарубежную командировку, на третьего завели дело за нетрудовой букинизм, восьмого взяли за «Посев», одиннадцатого за «Ночного портъе»... При этом четвертый, шестнадцатый, восемнадцатый и двадцать шестой не только не познали бед, но и прибавили в весе... Поначалу Николай пытался понять логику зачисления в наймиты, но, как не старался, не смог и с годами хобби перестал поминать посторонние судьбы: какая разница, если не ему было мерять чужие доли... Важно, чтобы своя не становилась меньше и коварный враг был обезврежен.

Чаща поредела, стало светлее, и замаячила опушка, за которой угадывалось неубранное льняное поле; издали донеслось тархатенье комбайнов. Николай прислушался и свернул вправо, чтобы не попасться на глаза колхозникам. Он бодро прошагал пару километров, наконец вышел из леса, сверился с компасом и картой: впереди за полосой кустарника предполагалась река, и нужно было искать брод или идти к мосту. Продравшись сквозь густые ветви жимолости, начал спускаться к воде, но услышал громкие голоса и поспешил назад; его вдруг окликнули... женский голос:

- Товарищ! Товарищ!

Николай сделал вид, что не слышит, однако женщина не сдалась:

- Пойдите, товарищ! Пойдите! Не уходите! Пойдите же!

Он обернулся, увидел подгребную к берегу двухместную надувную лодку и в ней семью: миловидную спортивную маму на веслах, очкастого папу с волосатой грудью чуть прикрытой портативным радиоприемником на ремешке и тихого белобрысого мальчика лет пяти-шести.

- Товарищ, у вас радио есть? У нас батарейки сели... - продолжила женщина, махнув рукой в сторону супруга.

У Николая не было радио, у него был родной «Вокмэн» и запас немецких батареек: вечерами в своей канадской палатке он любил слушать «Пинк Флойд» и «Дип Пепл», и он с чистой совестью отрицательно мотнул головой.

- Товарищ, а вы случайно не слышали, что там в Москве? - не унялась женщина.

- Перестань... Что ты к нему пристала? Человек отдыхает... Я же говорю, там ничего серьезного... - с ноткой раздражения в голосе оборвал ее муж. - Извините, товарищ, что побеспокоили...

- Нет, не слышал... А что? Что в Москве?.. - Николай хотел лишь подразнить ревнивца, но ответ коротковолосой красавицы его ошарашил, - Какой пугч? - переспросил он и поспешил к реке.

Наташа и Андрей, перебивая друг друга, поведали то, что им удалось услышать по прерываемым передачам московской радиостанции: 19 августа ГКЧП арестовал Горбачева и объявил о чрезвычайном положении в стране, в ответ президент Ельцин возвел вокруг дома

Правительства баррикады, окружил его тройным кольцом москвичей и вместе с Ростроповичем готовится к штурму...

- Объясните вы ей, что - ничего страшного, что... Ей-богу... Это смешно... Мы-то что можем?.. - рассудительно завершил Андрей сумбурный рассказ.

«Баррикады...». У Николая екнуло сердце, в памяти моментально возникла программа «Время» с репортажем о захвате берлинской штаб-квартиры «Штази» в январе 1990 года: обезумевшая толпа, врывающаяся в кабинеты, разбитые портреты Хонеккера, полы, устланные разорванными документами, архивы с именами осведомителей... Архивы... Он вспомнил, как успокоил тогда себя, убедил... Убедил, что в Союзе такое просто невозможно, что гэдээровцы, конечно, не доработали, проглядели, прошляпили, профукали, проебали... Но уж наши... уж наши... уж комитет такого никогда не допустит, чтобы вот так просто уступить безоружным... Так просто все бросить... Что уж наши точно будут стрелять... И стрелять на поражение... Так как и надо стрелять в эту сволочь, мерзавцев, шваль... В этих Шариковых... Николай хотел поговорить об

этом с лейтенантом Пуховым, но не осмелился, только стал пристальней вглядываться тому в непроницаемые глаза во время участвовавших в последний год встреч, пытаясь угадать в них решимость защищать государство, которое неустанно заботилось о своих гражданах и, особенно, о сотрудниках КГБ, выплачивая последним зарплату за возможность определять судьбу других граждан, с обязательным повышением по службе и, вероятно, очень перспективной командировкой в стан потенциального врага...

Николай щедро отдал семье все свои батарейки, но московская радиостанция только громко тарахтела... «Сейчас же в Москву», - промелькнуло в его беспокойной голове.

- Ты, как хочешь, а я возвращаюсь, - безапелляционно заявила Наташа мужу и стала одеваться.

Андрей растерянно посмотрел на жену, на сына, на Николая:

- Скажите ей... Это же... Зачем?... Мы же здесь... Если бы мы были в Москве, то... Ведь, все равно уже будет поздно... Если штурм... И может... Может, и не будет вообще никакого

штурма...

Именно такого развития событий Николай боялся больше всего: если штурм дома Правительства не будет, значит... Он хотел уйти тут же и не терять время на семейную сцену, но, вспомнив комедию с Челентано, подумал, что на Наташу будет проще поймать попутку, и еще раз взглянул на ее округлившиеся в «бананах» бедра и зад.

- Вы-то что молчите?.. - взорвался Андрей, - А ты?!.. Ты остаешься!.. Куда ты едешь?! Ты никуда не поедешь! В Москву?! Какая Москва?! Это не твое дело! Это... Ты остаешься! Наташа!.. Наталья, куда?! Наталья, посмотри на сына!.. Посмотри!.. Куда ты?!

Готовая к обороне дома Правительства Наташа только этого и ждала, она схватила ребенка, осыпала поцелуями его испуганное лицо, намертво сжала в объятиях и взволнованным голосом произнесла пылкую речь достойную цитаты Фучика... Николай равнодушно посмотрел на глубокий вырез ее трикотажной олимпийки, на посрамленного мужа, на свои электронные часы из далекого Сингапура. Мальчик насупился и заревел белой.

Скандал вышел невероятный: ребенок

истощно орал, растирая по покрасневшимся щекам потоки слез, родители орали еще громче, пытаясь перекричать и сына и друг друга... Скоро оба берега и подводный речной мир узнали, что Андрей - кандидат в члены КПСС и хамелеон, бездарный историк и подхалим, и вообще никакой не историк с большой буквы, тряпка и маменькин сынок, и эгоист, а Наташа - сама эгоистка и стерва, плохая и совсем никудышная мать, провинциальная недоучка, вертихвостка и... и дешевая шалава... На последнем слове набывчившийся Андрей запнулся, перевел желчный взгляд с супруги на Николая и разразился новой тирадой, в которой высокопарно назвал последнего финтифлюшкой-фаворитом и обвинил в соучастии в вероломном заговоре с его любимой женой... Неизвестно, как далеко могли зайти фантазии университетского Отелло, поэтому не умеющий драться Николай счел за благо отступить, а за спиной Андрея показалось бледное лицо Наташи... Размахистым ударом весла она снесла мужу примерно треть головы: острый край лопасти вошел в затылок чуть выше правого уха и вышел над левой бровью; отрубленный кусок черепной короб-

ки отлетел точно в безутешного мальчику и заляпал его с головы до ног брызгами густой крови с ошметками папиных мозгов...

И наступила тишина...

...И в ней расслышалось, как совсем рядом прожужжал жук, как отсчитывает годы далекая ведунья кукушка... Теплый воздух внезапно ожил, загудел множеством звуков... Зашелестела листва, зашуршали высокие шершавые травы... Где-то, хлопая крыльями, пролетела птица; хрустнула ветка, на которую она села... Всплеснула вода: из лежащего на речной глади отражения курчавого облака выскочила, блеснула на солнце рыбка... другая... Весь мир вокруг дышал неприметной размеренной жизнью...

И бесконечный блеклый горизонт слился с бледным чуть подернутым рваными облаками небом в одно единое необозримое пространство...

...Ку-ку...

...Николай в один присест выблевал на труп «Китайскую стену» и индийский чай с английским овсяным печеньем, которые съел

на завтрак, с отвращением отплевался, сверился с точным заграничным жидкокристаллическим экраном: время приближалось к обеду.

- Товарищ... Как там тебя?..

- Николай.

- Николай... Коль, надо... Надо... Надо их схоронить...

- Их? - он сразу не понял и затуманенным взглядом посмотрел на бледную Наташу, себе под ноги на заблеванного Андрея...

- Времени мало... - сказала она не предполагающим возражений тоном и кинула ему весло; вернулась к затихшему в траве сыну, села рядом, поправила ему челку, поцеловала в лоб, потом, вздохнув, взяла под руки, потащила от реки к кустам жимолости.

...Пока они рыли яму в тени ветвей, Наташа дважды напрасно включала столичный голос: волна радиостанции продолжала громко шипеть. Николай искоса наблюдал за упорством, с каким она срезала веслом пласты земли у корней, за ее непоколебимой решимостью скорее ехать в Москву на защиту будущего всей страны, и животный страх постепенно овладевал им.

«Они нас всех перестреляют... Пере-

вешают... Всех... И разбираться не будут... Всех... Вообще всех... вообще... Прямо... прямо там... у «Детского мира». Он представил себе фонари вокруг площади Дзержинского, но их оказалось слишком мало, и трепещущее воображение быстро перенеслось к скверам перед Политехническим музеем и у памятника героям Плевны... потом вернулось на улицу Дзержинского, добежало до Бульварного кольца, до его ветвистых деревьев... понеслось по разорванному кругу... Зазвенел трамвай... ноги в дефицитных австрийских туфлях едва не касались проводов; из штанины выскользнул опметок кала, измазал съехавший на щиколотку шелковый итальянский носок, сполз по каблуку... и шлепнулся на крышу проезжающей «Аннушки»...

«Убить эту суку... Закопать здесь вместе с семьей... Этим же веслом... Размахнуться получше... Убить. Сейчас отвернется... Вот... вот сейчас... Убить, убить... Сука... шалава дешевая... Вот сейчас... Размахнуться получше...».

- Закапывай... Я пойду, приведу себя в порядок,
- Наташа столкнула коленом тела мужа и сына в неглубокую яму, - Я быстро... - ушла.

Он не осмелился перечесть; взялся за работу, возвращая земле под кустом ее первозданность, как неожиданно всхлипнул ребенок... «Жив?...» Мальчик пискнул протяжно... «Жив... жив... Жив!» Николай обернулся, но мать была уже у лодки и не могла ничего слышать... Он посмотрел на часы: два с лишним часа впустую... Еще раз оглянулся... Наташа, раздевшись по пояс, омывала крепкое загорелозовущее тело... Ее сын снова пискнул. Он заглушил его комьями земли... Еще и еще, еще и еще, еще и еще, еще и еще... Скорее, скорее... В Москву...

План Николая сработал: первый же грузовик тормознул рядом с аппетитной Наташей; после длительного торга молодой горластый шофер за четвертак и три припасенных для встречи с народом пол-литры «Пшеничной» сердечно согласился добросить московских до самой «бетонки». Всю дорогу он вместе с «Электроникой» горланил «Кино», «Любэ» и Вилли Токарева.

Они сошли в Дмитрове, доехали в полупустой, но взбудораженной пассажирами электричке до Савеловского вокзала. Николай не смотрел на Наташу, а вглядывался в лица

соседей по вагону, пытаясь угадать их настроение: все горячо и с воодушевлением говорили о путче, о «нашем президенте Борисе Ельцине», о каком-то храбром генерале Лебеде и об окончательной победе над кэгэбэ, путчистами, коммунистами и всей красной сволочью, которые испортили, испоганили святую родную матушку-Русь... Николаю тоже хотелось принять участие в общих разговорах, подтвердить всему миру свою приверженность правому делу, высказаться за свободу и за демократию, и за реформы, и против репрессий, колхозов и партийной номенклатуры... Но взглянув на тихую и покойную Наташу, не осмелился, а только улыбался и часто кивал. Они расстались в зале ожидания: он побежал сдавать рюкзак в камеру хранения, она, не теряя ни секунды, помчалась к станции метро.

За последнюю бутылку водки Николай добрался до центра на машине, потом пробежал переулками до площади Дзержинского, где яблоку негде было упасть. Разгоряченный народ гомонил и требовал штурма КГБ; он влился в заряженную энтузиазмом толпу, стал протискиваться ближе к темному зданию «Лубянки», улыбаясь и дружески хлопая «това-

рищей» по плечу: «Мы победили, мы победили...». Николай всматривался в улицы и переулки справа и слева, пытаясь угадать там танки и бэтээры генерала Лебедя, которые, по его мнению, должны были сопровождать приступ, но вокруг были только люди, море людей...

«Слава богу», - решил православный с ноября 1989 года кандидат экономических наук Николай. Он уткнулся в намертво сжатую массу и вынужденно остановил свой порыв, поднялся на цыпочки, увидел памятник, к которому под шум и крики «ура!» уже подогна-ли строительный кран... Вытянул шею, глядясь в события, увидел каких-то молодцов, которые влезли на постамент, закинули Феликсу петлю на шею, стянули железный трос, дернули, раскачали, вырвали с корнем и Вучетича свергли творенье... Тысячи голосов рывкнули дружно: «Ро-сси-я! Ро-сси-я! Ро-сси-я!»

Николай вздрогнул: кто-то взял его за руку. Это была Наташа, она кивнула, улыбнулась спокойной, безмятежной улыбкой и положила голову ему на плечо.

Так же спокойно и уверенно наблюдали за необычным для места и часа вол-

неньем задраенные окна Страхового общества «Россия».

Сдать друга легче всего... И чем он ближе, тем проще... Сразу вспоминаются все былые обиды... Так, по мелочи... Лишнее слово, лишняя шутка, досадная небрежность и недостаток внимания... Для оправданий согдится все... И скоро выясняется, что не такой уж он и друг... Тем более, близкий... Смешно... В конце концов, он сам поступил бы также точно, если не хуже... А может... может уже... Может быть, это он... Может быть, это она...

НАСТОЯЩЕЕ

ПОЛАТИ №6

...может уйти?.. и куда дальше?.. к ясно-видящим... попам?.. ну уж нет... чтобы я... с университетским дипломом... мракобесие... вот дожили... ладно еще гуманитарии, - что с них взять, а то ведь с высшим техническим и тоже туда же... кто бы сказал... в кино у американцев они все к психоаналитикам ходят... лег на диван, сложил ручки на груди и давай языком молоть... коммерсанты... три тысячи за час... сейчас... разбежались... а почему не четыре?.. нет, раз есть государственная медицина, пусть и работают... зачем тогда специалистов в меде готовят?.. это их работа - лечить... пусть проконсультируют... зачем иначе медстрахование нужно?.. мы платим – они лечат... но не три же

тысячи в час... совсем охренели... что так долго?.. вот она — совковая медицина... все, как раньше... небось, чаи гоняют с медсестрой... или еще чего... а ты сиди тут и жди... будто других дел нету... тихо, тихо, не заводись только... а то быстро, как Шурика, в палату, где у нас Наполеон был... санитары всегда такие здоровые... под белы руки, и... пишете письма в «Спортлото»... тихо как тут и нет никого... а, нет, вон кто-то вышел... сестра... или врачиха... не разберешь... а на первом — толкотня... всем справки на права нужны... ездить совсем невозможно стало... по два часа в пробках... вот не выдавать больше никому справки, и все дела... сразу транспортную проблему решим... олигархам-то все равно, они скоро все на вертолетах летать будут... на этих справках тут, наверное, неплохо получают... еще жалуются вечно... учителя - те тоже... а сами все на репетиторстве... что толку от этого образования, если потом грязные образа облизывать... правильно большевики их прищучили... гигиены никакой... вот тебе, бабушка, и... СПИД... не спит... а как заснешь, так... да уж... а если он вдруг решит, что я и вправду... того... А Эл Моисеев, кэ мэ нэ... ёкэлэмэнэ... или все-таки

лучше уйти?.. успею еще за резиной съездить... холодильник тоже пустой почти... свет один... если прямо сейчас встать и уйти, то до пробок все успею... может, само обойдется?..

Дверь с табличкой «Прием ведет врач-психиатр «А.Л. Моисеев к.м.н.» распахнулась и положила конец сомнениям и тягостным раздумьям Петра Ивановича Исидорова. Из кабинета вышла иссушенная жизнью старушка; из-под сползшего на затылок платка блеснула шапочка из фольги.

- Я буду жаловаться. Так и знайте. Я до самого Юрия Виссарионовича дойду. И пеняйте потом сами на себя, - зло предупредила она Исидорова и засеменила по коридору.

Несмотря на нешуточную угрозу, Петру Ивановичу страшно захотелось присоединиться к старушке и сбежать подальше от распахнутой двери.

- Проходите, - дверной проем перекрыла массивная фигура бородача в голубом халате.

- Я? – Петр Иванович хотел было что-нибудь соврать: мол, он просто присел отдохнуть, пока внизу идет очередь, но слова застряли где-то под адамовым яблоком.

- Смелее, - улыбнулся врач.
- Я и не боюсь... совсем... С чего это мне бояться? – наконец соврал Исидоров.

Исидоров устроился в удобном кресле, быстро окинул взглядом кабинет, окрашенный унылой бледно-бежевой краской, посмотрел в замызанное окно, после чего сосредоточился на кандидате медицинских наук, который вчитывался в карту пациента:

- Первый раз у нас? Петр, Петр Иванович...

- Первый.

- Тогда загадывайте желание, - пошутил психиатр, не отрывая глаз от карты, – Семидесятый год рождения, - отметил он про себя. – Холост... Понятно... Сейчас начнется вокруг да около... Нет бы сразу к сексопатологу...

- Мне бы только проконсультроваться...

- Воля ваша, - кандидат медицинских наук взял ручку и зачеркнул в фамилии Исидоров первую букву, – Ольгу Сергеевну пора отправлять на пенсию, - подумал он, - даже фамилию толком записать не может. – Слушаю вас, рассказывайте.

- Я... То есть...

Исидоров вдруг осознал, что совершенно не

подготовился к встрече с психиатрией. Решение обратиться в психоневрологический диспансер было хорошо и долго обдуманно и взвешено, а вот сама консультация представлялась чем-то само собой разумеющимся. Казалось, он четко и ясно изложит доктору то, что с ним происходит в течение почти целого месяца, на деле же ничего не получалось.

- Бред сплошной выходит, - подумал Петр Иванович и посмотрел на А.Л. Моисеева, который терпеливо ждал, сложив руки на массивном животе. – Точно решит, что я сумасшедший...

- Водички? – психиатр встал, наполнил водой из кулера пластиковый стаканчик и поставил его перед пациентом.

- Вы только не подумайте... Я не сумасшедший.

- Я в этом нисколько не сомневаюсь, но проконсультировать-то вас нужно. Это наша, так сказать, святая обязанность. Зачем мы, скажите на милость, здесь сидим?

- Да. Я тоже самое всегда и говорю. Медстрахование и... И так далее... Государственное здравоохранение...

- Совершенно с вами согласен, Петр Ивано-

вич. Тогда приступим? Расскажите в общих чертах...

- Я... У меня сон... То есть сны... То есть сон...

- Сны или сон?

- Сны... Сон. Я не знаю, как это... Сон каждую ночь уже целый месяц.

- Один и тот же?

- Да... То есть нет... В том-то и дело, что нет... Это как сериал...

- Уже тридцать серий посмотрел, бедолага, - подсчитал в уме кандидат медицинских наук, - И что происходит в вашем сне? – добавил он вслух.

Исидоров отвел глаза и вздохнул:

- Баллотируюсь в Президенты Российской Федерации.

- Простите?

- Да-да, вы не ослышались. Я баллотируюсь на пост Президента Российской Федерации. Сначала собирали подписи, потом регистрация в Центризбиркоме, теперь вот предвыборную кампанию пора начинать... И так весь месяц. Каждую ночь без передышки.

- А он? – А.Л. Моисеев мотнул головой вверх и в бок.

Исидоров поднял глаза и увидел висящий под

самым потолком фотопортрет Путина. Пока еще действующий президент страны пристально смотрел на Петра Ивановича и улыбался.

- Вы не поняли... Я не вместо него... Он тоже баллотируется. Еще Зюганов, Жириновский, Миронов, Явлинский. И я...

- Нет, это ко мне, - передумал А.Л. Моисеев и серьезно спросил: «Куда же Навальный в вашем сне подевался?»

- Он в больнице и не скоро выйдет. Из него какой-то грузин натурального грызуна сделал. Говорят, чуть ли не князь... Думаю, сочиняют. Для важности. Откуда сейчас князьям взяться? Так что с дикцией у Алеши теперь не ахти. На митингах не повыступаешь...

- Алкоголь употребляете?

- Как все.

- Как все – это четырнадцать литров чистого этанола.

- В смысле, нормально... без эксцессов...

- Наркотики?

- Никогда не пробовал.

- Лекарственные препараты какие-нибудь принимаете?

- Нет.

А.Л. Моисеев напрягся и принялся вспоминать все, что когда-то учил о теории сновидений: либидо Фрейда он сразу отбросил и перешел к Юнгу с его «прямой манифестацией бессознательного».

- Телевизор много смотрите?

- Нет. Нормально. Не больше, чем другие. Футбол там, хоккей, олимпийские игры раз в четыре...

- Я о политических передачах говорю, - непрофессионально перебил Петра Ивановича кандидат медицинских наук.

- Вообще не смотрю. И не смотрел никогда. То есть давно смотрел. Еще когда НТВ было. А потом перестал. Я программу «Время» на всю жизнь в детстве насмотрелся.

- Вы хотите сказать, что политикой вообще не интересуетесь?

- Вообще. Ни телевизор, ни радио, ни газеты, ни интернет. И голосовать никуда не хожу.

- А друзья, знакомые, коллеги по работе? Что вы с ними обсуждаете?

- С коллегами?.. О работе или о том же футболе с хоккеем разговариваем... То есть они иногда начинают про Путина или Медведева, но я даже не слушаю, - Петр Иванович взял

стаканчик и промочил горло. — А сон все равно снится.

- Не спать пробовали?

- Пробовал. Целых три ночи продержался. А в следующий сон в газетах появились статьи с фотографиями, как меня похитили украинские спецслужбы.

- Почему именно украинские?

- А вы у них спросите. Пишут не пойми что. Руки без костей. В моей программе про Украину вообще ни слова не сказано.

- Очень умно, - подумал А.Л. Моисеев, который в отличие от своего пациента политикой интересовался и знал, что из-за Украины стало очень трудно отличить оппозиционера от единокоросса.

- Мы сейчас на журналистов в суд подаем. Мы — это мой штаб...

- Разумное решение. Расскажите, а как все началось? Кто и как выдвинул вас в кандидаты?

- Стою я на Садовом в пробке...

- Во сне или?..

- В этот раз во сне.

- Продолжайте.

- Стаю я, значит, в пробке на Садовом, вдруг

ко мне подходит какой-то бомж... То есть не бомж, а что-то вроде бродяги... С посохом и рюкзаком за спиной. Подходит и говорит: «От слова к делу, товарищ кандидат», и сует в окно визитку с адресом штаба... А в следующую ночь все как-то само собой завертелось... Единомышленники, сподвижники, спонсоры и так далее. Будто так и надо, понимаете?

- Вы во сне тоже удивились?

- Сперва, конечно, непривычно было, а потом некогда стало, - работы по горло. Я же говорю, сбор подписей, потом этот Центризбирком нас мурыжил, пресс-конференции через день...

- Не высыпаетесь?

- Да нет, высыпаюсь нормально, только иногда мысли лезут в голову... Из сна, понимаете? Я же понимаю, что это сон, а в голове вдруг — раз! - и какая-нибудь идея возникнет... Как бы нам лучше обустроить Россию...

- У некоторых это перманентное состояние, и ничего, - подумал кандидат медицинских наук. — Я-то сам тоже хорош, в воскресенье целый вечер смотрел этого толстомордого мудака Соловьева... Даже давление поднялось... Каждый день интернет этот... Черт бы его побрал...

Нужно это прекратить. Прямо с сегодняшнего дня... Столько можно дел сделать, - он машинально взял со стола стаканчик с водой, залпом осушил его и выкинул в мусорное ведро.

- Доктор, у меня что-то... Что-то серьезное? – принял на свой счет жест психиатра Петр Иванович.

- А-а, нет. Еще водички?

- Доктор, не нужно от меня скрывать...

- Вы напрасно беспокоитесь. До тех пор, пока вы четко разделяете сон и реальность, беспокоиться совершенно не нужно, - кандидат медицинских наук встал и повторил маршрут до кулера и обратно. – Проблема в том, что я не в состоянии прекратить ваш сон. Ни я, никто другой. Сон – это наше бессознательное. Он, так сказать, компенсирует нашу реальную жизнь. Сложность обычно возникает с толкованием сновидений, но в вашем случае... Ваш сон достаточно легко читается. Ваша пассивность в повседневной жизни компенсируется по ночам...

Петр Иванович лишь кивнул, - разочарованию его не было предела.

- Я бы вам посоветовал съездить куда-нибудь,

сменить обстановку. Хотя бы на время. Поезжайте за границу. Лучше не на пляж, а что-нибудь экскурсионное...

- На какие пиши? - подумал Петр Иванович, - У меня отпуск только летом, - беззастенчиво соврал он.

- Поезжайте на Новый год.

- До него еще дожить надо.

- Ну-у, не стоит так трагично. Повторяю, пока вы различаете сон и реальность, опасаться вам нечего, - улыбнулся психиатр, - И остальным тоже, - добавил про себя.

- А снотворное не поможет?

- Только усугубит. Я могу дать вам направление в Центр медицины сна, но... Со сном, как я понимаю, у вас все в порядке. И потом, до выборов осталось...

- Сегодня ровно сто дней, - перебил кандидата медицинских наук Петр Иванович.

- Вот видите, всего ничего. Уверен, что после того, как исчезнет причина сна, сам сон также прекратится.

- А если меня выберут? Вы знаете, какой у меня сейчас рейтинг? Почти девяносто три процента. Девяносто два целых, семь десятых, если быть точным.

- Чем же вы так привлекли избирателей? – усмехнулся психиатр.

- Предложил расстрелять Чубайса, - невозможно произнес Петр Иванович.

- И все?

- И все.

Озадаченный подобной новостью кандидат медицинских наук запустил пятерню в бороду и почесал подбородок, потом взглянул на портрет Путина.

- И что по этому поводу думает Владимир Владимирович?

- Обозвал меня безответственным популистом. Сказал, что я взываю к самым низменным чувствам, нет, инстинктам толпы и отбрасываю страну в прошлый век. Пугает Советом Европы.

- Чья бы корова... - подумал А.Л. Моисеев, который в глубине души был непримиримым противником власти.

- А с Советом Европы я уже придумал, как сделать. Мы из Совета Европы выйдем. На время. Расстреляем Чубайса и снова войдем.

- Считаете, это поможет?

- Обязательно. Девяносто два и семь десятых – это не шутки. Это же... Это же целая нацио-

нальная идея. У меня в приемной очередь из желающих... как раньше в мавзолей. Люди по всей стране записываются в тир и стрелковые клубы... Руку набивают. Хлеборобы Кубани выступили с предложением расстрелять Чубайса у кремлевской стены. Их почин уже поддержали якутские оленеводы и заготовители морошки из Карелии. А шахтеры Кузбасса, те предлагают одним Чубайсом не ограничиваться и расстрелять всех... От Абрамовича до Якунина. Даже подробный список прислали... Я не могу не прислушиваться к мнению народа, понимаете?

- Понимаю. Скажите, а в реальной жизни, не во сне, вы тоже хотите расстрелять Чубайса?

- А вы не хотите? – Петр Иванович снисходительно посмотрел на А.А. Моисеева.

Кандидат медицинских наук замешкался с ответом. С одной стороны, Анатолий Борисович положительных эмоций не вызывал абсолютно, с другой, профессиональный гуманизм предполагал только один ответ, и он был отрицательным, однако сама постановка вопроса вкупе со снисходительным взглядом такой отрицательный ответ совершенно исключали.

- Вот видите, - резюмировал душевные терзания психиатра Петр Иванович.

Исидоров бодрым шагом вышел из психоневрологического диспансера, вдохнул полной грудью морозный сумеречный воздух и почувствовал непреодолимую тягу к действию.

- Действовать, действовать, действовать, - сказал он во весь голос и направился напрямик в офис интернет-провайдера, где переоформил свой акционерно-общественный договор и оплатил абонентскую плату за шесть месяцев вперед. Затем купил в супермаркете три пачки молотого кофе, блок сигарет и жареную курицу.

Дома он вытащил с антресоли коробку с институтскими конспектами и извлек на свет связку общих тетрадей с лекциями по «Основам марксизма-ленинизма»: только чеканный слог отцов-основателей мог толково перековать бессознательное в осознанное.

В эту ночь Петр Иванович не сомкнул глаз, и под утро, зарегистрировавшись в социальной сети, разместил на своей девственной странице программную статью «Расстрел

Чубайса, как национальная идея России». В первые же часы этот пламенный текст прочитали четыреста семьдесят три тысячи восемьсот шестьдесят два пользователя интернета, и Петр Иванович ворвался в топ русскоязычных блоггеров, утерев сопливые носики всем домощенным экспертам и прочим самопровозглашенным гуру.

В следующую ночь из-под его клавиатуры вышла статья «Что делать, когда кончатся патроны?», которая собрала более миллиона «лайков». Комментаторы оценили вдумчивый подход Исидорова к экономической проблеме расстрелов и наперебой предлагали свои способы решения вопроса, небезосновательно напоминая автору, что Россия издревле славилась производством пеньки. Отдельные несознательные граждане попытались под информационный шумок протащить идею легализации марихуаны, но их безжалостно забанили.

На третью ночь закончился кофе, и Петру Ивановичу пришлось бежать в магазин. Выходя из подъезда, он вежливо придержал дверь четверем сотрудникам центра «Э», среди которых самой дружелюбной была оскалившаяся немецкая овчарка.

Теперь Исидоров живет в вынужденной эмиграции. Совсем недавно он закончил работу над двухтомным справочником «Детские болезни российских либералов», рекомендованным к использованию в качестве методического пособия Всемирной организацией здравоохранения.

Страшное сновидение его прекратилось так же внезапно, как и началось. В ночь своей инаугурации Петру Ивановичу приснился Максимилиан Робеспьер. Он гарцевал на коне и на чистом русском тянул: «Пора-пора порадуемся на своем веку...». Будучи технарем, Исидоров главного французского террориста не узнал и проснулся в прекрасном настроении.

НОВОБЛАГОСЛАВЕННЫЙ

Каждое воскресенье в четырнадцать часов Лев Борисович Майданов собирал спортивную сумку, целовал в щеку любимую жену Марину, спускался в подземный гараж и отправлялся восстанавливать истощенный управлением банка организм изнурительной и бестолковой бегомней по корту. Не стало исключением и шестое мая двух тысяч двенадцатого года. Заведенный порядок был нарушен только возле ближайшей станции метрополитена: Майданов оставил автомобиль на парковке и налегке зашагал к вестибюлю. До «Октябрьской» было всего несколько остановок и одна пересадка.

Разглядывая тянущийся во мгле кабель, Майданов вспоминал, как в августе девяносто первого года провел две ночи на баррикадах у Белого дома. Это было единственное в его жизни протестное выступление: в девяносто третьем Марина рожала, и он метался между работой, роддомом и магазинами; в двух тысяч первом школьный товарищ позвал поддержать «НТВ», но он, сказавшись больным, не пошел, о чем в глубине души сильно сожалел.

С тех пор многое изменилось, жизнь удалась, и протестовать ему, управляющему пусть и небольшого, но все-таки банка, было совершенно незачем. Он и не протестовал, и никогда в жизни не поехал бы на Калужскую площадь, если бы не его дочь Катерина, совершеннолетие которой совершенно некстати совпало с началом протестной активности в стране.

Узнав, что их единственное дитя – оппозиционер и не пропускает ни одного митинга, Майданов утратил на мгновение дар речи, и холоднокровная Марина взяла ситуацию под свой контроль. Дипломированный университетом психолог, она подошла к проблеме по-научному и сперва прочитала дочери

лекцию из Лебоновской «Психологии народов и масс», потом дала подробные наставления, как вести себя в толпе, после чего, безапелляционно объявив, что быть радикалом в юности – это нормально, пустила все на самотек...

Майданов же потерял сон и безграничную веру в профессиональную безгрешность супруги. Он стал приглядываться и прислушиваться к соседским детям.

Самой радикальной оказалась дочь гендиректора рекламного агентства Оля, которая познакомилась в социальной сети с неординарной личностью, уехала в Торжок и лишь спустя полгода вернулась домой с подбитым глазом и на пятом месяце беременности; остальные в свободное от учебы время тусовались по клубам обеих столиц и были отчаянно скучны.

По всему выходило, что его Катерина попала в плохую компанию, и эта компания не хотела признавать результаты выборов и требовала немедленной отставки президента. Сам Майданов был убежден, что замена ленинградского карлика ничего не даст, поскольку систему прочно выстроили еще в девяностых годах, но как объяснить это ребенку не понимал.

Оставалось следить за событиями и надеяться, что дочь быстро состарится.

Скандал случился в апреле, когда Катерина вернулась с очередной акции со сломанной рукой. Решительно отстранив жену в сторону, Майданов высказал дочери все, что накипело о раскачивателях галеры, забрал компьютер и запретил впредь посещение каких-либо политических мероприятий. В ответ Катерина разразилась бурной продолжительной речью об обстановке в стране, обвинила родителей в потакательстве ползучему фашизму, помянула пастора Нимеллера и в конце ни с того ни с сего гордо заявила: «Я – московский студент, а не Шариков». Эта фраза все и решила. Именно с ней на устах ушел в ночь московский студент Левка Майданов в августе девяносто первого.

На улице перед вестибюлем «Октябрьской» былолюдно; под зорким оком полиции демонстранты послушно выстраивались в очереди перед рамками металлодетекторов, выворачивали карманы и вытряхивали содержимое клади.

Подобная форма протеста дезориенти-

рovala Майданова, он потоптался на месте, прошелся взад-вперед, выискивая взглядом Катерину, получил от какой-то девочки белую ленточку, убрал ее в карман и, рассудив, что торопиться ему пока не куда, поплелся на зов ярких вывесок заведений столичного общепита.

- Левка? Майдан, ты? – это был бывший сосед по этажу Шурик «Испанец», с которым Майданов изредка виделся, если ему случалось заезжать на старую квартиру.

Они хлопнули друг друга по плечу, заводной Шурик пропел «I'm gonna be Iron like a Lion in Zion» и, кивнув головой в сторону Якиманки, серьезно спросил:

- Ты на марш?

Майданову не хотелось говорить правду, и он выкрутился, выдумав несостоявшуюся встречу с человеком...

- С человеком?.. – с намеком подмигнул Шурик и уже без тени юмора продолжил, - А я на марш... Но теперь не знаю... Антоха смылся... Сын... Успел из вагона выскочить... Я же из-за него сюда приперся... Сам понимаешь... Телефон еще выключил, паразит такой... Хочу включаю, хочу выключаю... - он вздохнул и

оглянулся на организованную толпу перед рамками и за ними. – Где теперь его искать?.. Ладно, подожди, сейчас позвоню его матери, и потом пойдем, отметим встречу... Ты как?

Майданов кивнул, не раздумывая: дилемма занимать очередь на манифестацию или не занимать разрешилась как нельзя лучше.

Шурик наказал своей первой жене и матери Антона никуда не уходить из дома до окончания демонстрации, схватил Майданова под руку и дворами и переулками повел в ресторан.

- Там без изысков, но место хорошее... Все три ментовки в пяти-десяти минутах ходьбы, - уточнил он.

Майданов не уловил никакой связи органов внутренних дел с гастрономией, но вопросов задавать не стал, а только подумал, что, вероятно, немного отстал от жизни.

В уютном ресторане на Ордынке был занят только один стол, за которым расположились две молодые пары.

- Вот, люди как люди... Сидят в рестике и в ус не дуют... - заметил Шурик и уселся у окна. – Сейчас настроимся на волну и можем смело гулять, - он выложил на подоконник мобиль-

ный телефон и коротковолновую рацию, обмотанную проводом наушника.

Майданов абсолютно ничего не понял, но вида не подал, - он совершенно определенно отстал от жизни.

Они быстро сделали заказ, и также быстро на столе появился штоф и нехитрая закуска а-ля рюсс. Чокнулись за встречу, хрустнули огурцом, разлили по второй друг за друга, отдали должное селедке, усыпанной тонко нарезанным луком, молча выпили третью...

- Куришь? – Шурик вытащил из кармана сигареты.

Майданов закурил свою припасенную для неожиданных встреч скромную размером сигару, и, не сдержав любопытства, поинтересовался у «Испанца» назначением рации.

- Как зачем? Ментов слушать во время марша...
- всплеснул руками Шурик. – Надо же знать, куда их повезут с винтилова...

Такой ответ не понравился Майданову, он сразу вспомнил о Катерине, о ее руке, с которой два дня назад сняли гипс, о педантичных наставлениях Марины... Главное, он абсолютно не понимал, что ему следует де-

лать... Бежать обратно на Якиманку?.. Звонить?.. Кому первому?.. Все смешалось в его расслабленной алкоголем голове, и... он честно признался «Испанцу», что тоже приехал на митинг из-за дочери... Тот сочувственно кивнул и освежил рюмки:

- Не парься... Теперь надо ждать окончания... Сейчас все равно мы их нигде не найдем... А задержат, так скорее всего повезут или на Якиманку, или на Полянку, или на Пятницкую... Я же говорю, тут – идеальное место... В этом деле важно с ментами договориться до составления протокола... Давай, за детей... - он выпил не дожидаясь Майданова и снова закурил, – Ты бы знал, сколько я ментовок за три года оббегал... Три года только Антохой занимаюсь... Сначала были спартаковские гопники... Свистелки, перделки да драки... Оттуда пошли нацики... Тут я, конечно, уже вмешался... С испанской прабабушкой-республиканкой и в нацисты... Короче, вправил ему мозги по самое... Тогда он в антифашисты перековался... Потом нацболил... Но это, слава богу, недолго было... Потом... то лес защищает, то памятники архитектуры, то приюты для животных, то еще чего... Три перелома, два

выбитых зуба, сорок шесть швов... Веришь, замучился я так, что даже не знаю... А сейчас вот Навальный в героях... Еб его мать... Борец с коррупцией... Объясняешь ему, объясняешь, что Навальный их – обычный пройдоха и к тому же тот же нацик... Не слушает... Нет, не слушает... Паразит... Я ему и про Ельцина... Помнишь, тот же тоже начинал с борьбы с привилегиями... На троллейбусе катался... А чем закончилось?.. Чечней, «Мабетексом» и гэбэшником... Пьянь свердловская... Отец суверенной, блядь, демократии... - Шурик опустошил штоф и заказал второй. - Ты как?..

Майданов кивнул. Он окончательно расслабился, гул в голове прекратился, а размышления приобрели оптимистический оттенок: он радовался, что встретил «Испанца», что Катерина не мальчик, что его тесть тоже еврей, что Марина все-таки психолог, что, блядь, наконец, можно просто отправить дочь учиться в Европу... подальше... Подальше от очередей и нацистов с пройдохами...

Водку принесли вместе с горячими блюдами; молоденькая официантка долго наполняла до краев рюмки. Майданов хотел было спросить у нее, что она думает по поводу

«Марша миллионов», но, взяв себя в руки, ограничился заказом бутылки минеральной воды.

- Подошли к Малому Каменному... - Шурик вытащил из уха наушник и сверился с часами, – Не шибко они торопятся... Давай... За добрососедские отношения... Хоть и бывшие... - он улыбнулся, подмигнул Майданову, выпил и принялся ковыряться в горшочке с мясным рагу... – Херня это полная, а не протест... Так они и отменят тебе результат выборов... Держи карман... А наши с тобой... гуляют туда-сюда... «Путина в отставку»... За все хорошее против всего плохого... Они уже и сами не рады... Не знают, как нормально завершить бузу... Ведь людей больше не приходит... По-настоящему больше, а не так... А все потому, что ничего конкретного не предлагается... И это, между прочим, в стране с богатым революционным опытом... Крикни: «Даешь отмену приватизации!» и... И к тебе потянутся люди... Смеешься?

Майданов действительно усмехнулся, он не понимал, говорит ли «Испанец» серьезно или дурачится, но само предложение ему показалось забавным и достойным быть выведенным

белыми буквами на кумаче, как в старых октябрьских фильмах.

- Правильно делаешь... - продолжил Шурик, - Ни приватизации, ни люстрации... Кто же и когда своих дружбанов люстрирует?.. Картина маслом – «Немцов и Навальный изгоняют из храма Чубайса»...

Майданов оторвался от Пожарской котлеты и с жаром вступился за Немцова, с которым несколько раз пересекался в девяностые годы и который произвел на него положительное впечатление.

- Я и не сомневаюсь, что он нормальный мужик... - не стал спорить Шурик, - Не хуже многих и лучше других... Я не о том... Их «Марш миллионов», он не про миллионы... Он про сотню-другую деятелей, которых слишком далеко отодвинули от кормушки... Поэтому и людей нет... В конце восьмидесятых риск был гораздо больше, но народ все равно выходил... Кстати... - он вставил в ухо наушник.

Было около шести вечера. Шурик вслушивался в полицейский эфир, пытаясь разобрать обрывки коротких реплик, и смотрел на порозовевшего Майданова, который с

аппетитом доедал сочную котлету; он не стал говорить о том, что происходит на Болотной площади...

Они выпили еще. Потом еще. Потом заказали третий штоф, горячую закуску и десерт... Вспомнили, как в четвертом классе дворовый живодер отравил собаку вожаденной Светки из соседнего дома, и они в отместку подожгли его гараж с новеньким ушастым «Запорожцем». Обменялись номерами телефонов и клятвенно пообещали друг другу встречаться почаще...

И снова Шурик вслушивался в хрипы наушника и, стиснув зубы, безмолвно смотрел на розового Майданова, который откинулся на спинку стула и дремал...

Домой Майданов попал только к десяти вечера. Таксист передал безжизненное тело дюжей охране элитного дома, и та со всеми предосторожностями дотащила налимонившегося банкира до дивана в гостиной.

Увидев супруга, Марина с укоризной взглянула на дочь, которая дезинфицировала себе ссадины на руках, и хотела трагическим тоном произнести: «Полюбуйся, до чего ты довела

отца», но рассудив, что это бездоказательно и, главное, не психологично, публично вздохнула и ушла за подушкой и пледом.

Катерина подошла к всхрапывающему в беспокойном сне родителю, заметив торчащий из кармана куртки кончик белой ленточки, вытащила ее, зацепила себе за ухо, наклонилась, поцеловала отца в щеку и ватной палочкой смоченной йодом нарисовала ему пышные гусарские усы.

ФАРШ НАСУЩНЫЙ, КАТЕГОРИЯ "А"

Насвистывая «Амурские волны» и помещивая соломинкой фруктовый коктейль в высоком стакане, Мякоткин неспешно поднимаясь на второй этаж дома, закрыл балконную дверь, заглушив Адриатики шум, утонул в уютном кресле; включил телевизор, с минуту наблюдал, как выезжает с участка виллы супруга, в очередной раз отметил, что задний ход ей дается с трудом, перешел с видеонаблюдения на спутниковое вещание: предстоял час надежд, разочарований и снова надежд.

Это был его, Мякоткина, персональный час в неделю: в пятницу с пяти до шести по московскому времени никто и ничто не могло

потревожить просмотр ток-шоу «Жди меня». Он не читал книг, был равнодушен к кино, бесстрастен к спорту, и только настоящие истории из передачи находили отклик в его широкой груди. Нет, он ни разу так и не всплакнул, - не тот был мякоткинский характер, но всегда умилялся хэппи-энду, словно невинный ребенок, и всегда произносил вслух вместе с ведущими: «Ищите друг друга, что бы то ни было, и ждите, не смотря ни на что!»

Первый сюжет закончился благополучно: потерянная девятнадцать лет назад девочка вновь обрела семью и обняла близких под овацию зрителей, многие утирали слезы со щек.

После рекламной паузы наступил черед тех, кто безуспешно разыскивал своих родных. Сначала показали видеообращение какого-то шофера к своим армейским сослуживцам, потом перешли к гостям передачи в студии. Первая женщина искала пропавшего неделю назад слепого старичка, потом был мужчина с фотографией пятилетнего мальчика, далее девушка со склеенным снимком зарубежного отца, следом всхлипнул сморщенный дедушка с заплаканными глазами: «Я... Зовут меня Бе-

лов Макар Степанович. Я приехавши с города Истра в Московской области. Ищу сыновей наших. Старший - Юрий, а младшего Толя... Анатолий... Обои уехавши на машине в Москву, и больше мы их никогда не видевши. Уж двадцать три года как... Месяц назад мать схоронивши... Белову Галину Авдотьевну... То жена моя... покойная... Не дождалася, значит-ся... Двадцать три года уже... А вас, сынки, все нету и нету... Люди добрые, если кто где их видевши... Может, кто где встречавши когда?.. Мать так и не дождалася... Помиравши, все о них... Все о них...». Полная участия ведущая ободрила безутешного отца и стала уточнять детали исчезновения братьев Беловых, а на экране появилась фотография, запечатлевшая двух задорных здоровяков в малиновых пиджаках...

Мякоткин екнул и машинально наклонился вперед, вглядываясь в изображение. Он не слышал, ни какими чуткими и отзывчивыми были Юрий и Толик в отрочестве, ни как они бескорыстно помогали соседям, ни в какой деревне следили за могилой Неизвестного солдата...

Они бесцеремонно вошли в кабинет, младший занял стул у двери, старший уселся на край письменного стола. Спортивные костюмы, золотые вериги на накаченных шеях, в руках барсетки, из одной нарочито торчала рукоять пистолета. В немногих словах братаны обрисовали ситуацию, многозначительно произнесли имя Иса, настойчиво предложили его «крышу» и назначили честную цену.

К этому дню Мякоткин пробыл независимым частным предпринимателем всего квартала, о чем его накануне уведомил приходящий бухгалтер, а до этого четырнадцать лет работал в универсаме рядовым мясником.

В конце восьмидесятых, когда мяса из глубоких подвалов не стало хватать даже тем, кто об этом мясе знал, Мякоткин сильно осерчал на советскую власть, которая, по его мнению, просто не умела доставить убоину из передачи «Сельский час» по назначению, всей душой стал ратовать за свободный рынок и в августе девяносто первого привез в ополчение четыре противня котлет.

Перемены не заставили себя долго ждать: связь с базой была потеряна, универсам поменял юридический статус и назвался

супер-маркетом, оптимистичный Мякоткин направился по городам и весям налаживать прямые контакты с колхозными фермерами новой страны. Действительность удручила. Очень быстро выяснилось, что не одни узбекские хлопкоробы обманывали партию, правительство и весь советский народ, и у животноводов рыльце оказалось в пуху; об остальных Мякоткину и думать не хотелось, и по возвращении он первый раз в жизни ушел в запой.

Вышел он совершенно преобразенным: зарегистрировал «ООО», снял офис по соседству с хладокомбинатом, закупил в «Союзконтракте» фуру куриных окорочков из далекой Америки и дал рекламное объявление в газету. «Ножки Буша» разбежались за два рабочих дня, бизнес взял с места в карьер...

Две фуры в неделю приносили неплохой стабильный доход, обещая безбедную старость, и Мякоткин начал подумывать о приобретении в собственность птицефабрики или свинофермы, а то и целого животноводческого хозяйства... Дальше фантазия уже не имела границ: грезилась мясные магазины и супер-маркеты, и даже – почему нет, теперь

возможно все! - мясные и колбасные комбинаты-гиганты...

Именно от таких приятных размышлений отвлекло Мякоткина появление братьев Беловых. Мясной дым рассеялся, он все понял с первого взгляда: в планы на жизнь внезапно вмешались два спортсмена, какой-то многозначительный Иса, вечная «крыша» за честную цену и пистолет.

- Мужики, денег все равно сейчас...

- Мужики на лесоповале, - оборвал его старший Белов.

- Пятница, конец месяца... - пропустил блатную остроту мимо ушей Мякоткин, - Зарплаты... Налоги... Нала вообще нет... Копейки...

- Показывай!

- Что показывать?

- Копейки свои показывай! Ты кому, бля, коммерс, тут в уши льешь?! Нала-хуяла... Слыхал, братуха?

- Чё ты с ним канителишься? Ставь барыгу на счетчик, братан... Потом, сука, как шелковый будет... - Белов младший вскочил и, пощелкивая костяшками кулаков, приблизился к столу.

- Нет... Эти так не отстанут... Никогда... - с грустью резюмировал для себя ситуацию Мя-

коткин и вытащил из кармана связку ключей.

Он встал и сопровождаемый наглыми взглядами братьев подошел к несгораемому шкафу. Сокровищ в нем действительно не было: заверенные копии учредительных документов, бухгалтерия, трудовые книжки секретарши и кладовщика, пятьсот пятьдесят долларов США и личные вещи самого Мякоткина, которыми он со временем собирался украсить офис и свой кабинет. С лязгом повернулся в замочной скважине ключ, с таким же лязгом открылись металлические створки. На верхней полке лежала валюта, внизу из картонной коробки выглядывал его профессиональный инструмент, подарок коллег из универсама на тридцатилетие.

- Хорошо, ремонт не начали, - это было последнее, о чем подумал Мякоткин; остальное было делом техники: «быки» - это та же говядина.

Ночью он вывез туши на дачу; одну за другой освежевал, разделал, обвалял, удалил сухожилия и хрящи, раздробил кости, пропустил фарш через мясорубку, от души добавил специи, смешал с отваренным рисом, сложил котлетную массу в два алюминиевых бака,

утром в понедельник отвез знакомому повару из столовой типографии «Московская правда», тот от руки вписал в дневное меню «Тефтели с рисом», и в обеденный перерыв Юру и Толю съели.

Впоследствии по его душу наведывались еще несколько раз: ветераны десантных войн, лопоухие чеченские борцы, менты, фээсбэшники и один толстенный, что боров, поп. Всего, вместе с братьями Беловыми, выходила добрая дюжина туш: тефтели, биточки, ежики, фрикадельки, люля-кебаб, котлеты, рулеты, тушенка, начинка для запеканок, пирогов, пельменей, чебуреков и голубцов...

Мякоткину вдруг очень захотелось есть; он спустился в кухню, достал из холодильника заиндевевшую бутылку и вакуумный контейнер с малосольной семгой, взялся за нож, передумал; из самого нижнего ящика посудного шкафа извлек обернутый воощеной бумагой топор, освободил его, подбросил, поймал, осмотрел, подушечкой большого пальца проверил заточку лезвия, отрезал им ломоть рыбы, сложил бутерброд, плеснул водку в под-

вернувшуюся под руку пластиковую кружечку внука, с удовольствием выпил и закусил, отрезал еще ломоть, выпил еще, прошелся вокруг плиты, удальски поигрывая топором, махнул третью, надел фартук, достал с полки «Книгу о вкусной и здоровой пище»...

Ужин получился выше всяких похвал: облизав тарелку, любимый внук Антошка попросил у дедушки «еще две ложечки».

ПАДУНАТОЙ

(повесть о настоящем террористе)

- 1 -

«В терроризм или революцию – истории пока что не определились с формулировкой – я подался по чистой случайности. Никакой генетической или еще какой-либо предрасположенности к политике у меня и в помине не было. Можно сказать, обстоятельства так сложились... Короче, попал я тогда под очередное сокращение и несколько месяцев сидел дома без работы. Перебивался случайными заказами. Кому сайт оформить, кому рекламный буклет сверстать, кому визитку позаковыристей... Ерунда сплошная. Ни сла-

вы, ни денег. На пиво с сигаретами и конфеты для Машки... плюс проезд на метро... Маша – это типа моя герлфренд бывшая. Мы с ней вроде даже жить собирались, но, как только я в революцию или терроризм с головой кинулся, она слилась. Из-за какого-то пустяка. О детский вопрос разбились... А могла бы с нами... Она как раз в меде училась... Перевязывала бы меня на поле боя... под огнем... В общем, как-то звонит мне знакомый чел. Я ему еще студентом газеты на разные выборы верстал. От Амура и до Татарстана... Совершенно беспринципный тип... Звонит он, значит, и дает мне мыло какого-то Жоры. Типа у того срочный заказ и деньги есть. Я смыливаюсь с этим Жорой и тут же получаю задание и аванс на телефон. «Мозги не канифолит, - думаю. - Хороший клиент попался». В задании – логотип для «БПВП». То есть эмблема. Как у милитари... Только главный элемент дизайна - любое узнаваемое хлебобулочное изделие, но лучше булочка, а то, я знаю, написал этот Жора мне напоследок, ты мне сразу перекрещенные батоны и колосья вокруг нарисуешь. Сразу ясно, повидал он дизайнеров на своем веку... Ну и затрахался я тогда... В векторе что

бублик, что донатс – не разберешь. Вертел и так и сяк... Все сайты про кондитерку пролуркал... В общем, сделал, что он хотел и на всякий случай еще пару вариантов с автоматами и хищниками как у всех нормальных людей. В назначенный день распечатался и погнал в их офис на Сухаревскую. Приезжаю, значит, звоню и говорю домофону, что типа я к Жоре, привез эмблемы. Открывает мне чел. Мордастый такой мужик, с зачесанной плешью и глазами идейного алкоголика... Ничего особенного. Старшее поколение, оно во взгляде все примерно одинаковое... Короче, мужик прищурился, оглядел меня с головы до ног и говорит: «Я – Жора, будем знакомы. Пошли, у нас сейчас собрание, там заодно и обсудим твою работу». Иду за ним какими-то мрачными катакомбами... Входим в большой кабинет... Даже не кабинет, а что-то типа зала с длинным столом по центру. Пипла вокруг... Не продохнуть. И пенсия, и фрики... Разные люди... На стене транспарант: «Борись Против Всего Плохого!» Это самое «БПВП» то есть. Входим мы, значит, и этот Жора вдруг как гаркнет: «Прошу внимания! - все тут же примолкли и на меня смотрят, - Приехал худож-

ник с эскизами эмблемы Бэпэвэпэ, предлагаю немедленно приступить к обсуждению», - забирает у меня распечатки и пускает по рукам. Что тут началось... Полный пиздец... Кто-то со смеху помирает, другие с мест повскакивали, все кричат... Один с бакенбардами – точь в точь Че Гевара - орет, размахивая сигарой: «Ты, Жор, смеешься над нами! Это что за нахуй вообще такое? Кто же такой эмблемы испугается?! Нам надо, чтобы в штаны клали! Чтобы у-ух! Чтобы от одного вида разбежались! А здесь...» и ржет... Остальные тоже в том же смысле гудят, что все эти кренделя да кексы – курам на смех и для революционеров и партизан вообще никаким боком не катят. Я тогда Жоре тихо так говорю, типа там есть нормальные, человеческие эмблемы, а он мне: «Не лезь» и уверенным шагом идет во главу стола.

- Прошу сохранять выдержку! - говорит, - Начинаем прения! Кто хочет высказаться?

- Я! Я выскажусь, - кричит еще один чел с бакенбардами и в берете и включает умного: Во всем мире на всех эмблемах вооруженных формирований присутствует оружие... Мечи или сабли, автоматы, гранаты, танки, само-

леты, пушки, корабли, подводные лодки и другая боевая техника...

- Ну и что? - не сдастся Жора, - А у нас будет эмблема с булочкой.

- И что означает данная булочка? - настаивает этот, в берете, - Что она символизирует?

- Наверное, - хихикает какой-то бородатый дедок рядом с ним, - будем взрывать исключительно булочные-кондитерские...

Тут Жора не сдержался и как треснет кулаком по столу. Очень серьезным человеком оказался...

- Все?! Еще шутки будут?! - и обводит собрание таким суровым взглядом, что даже мне не по себе стало. - Объясняю в последний раз. Никаких булочных мы взрывать не будем. Ни булочных, ни пекарен, ни кондитерских... Мы будем беспощадно взрывать тех, кто носит мечи или танки... и что там у тебя еще было, а?.. Неважно... И прочую военную утварь! А вот уже потом мы будем раздавать булочки. И никак иначе! Никак. Ну, посудите сами... Эта сволота с мечами и военной техникой, они сперва взрывают, и что дальше? Что потом? Опять те же мечи и военная техника... Как говорится, «за что боролись...». А у нас? А у

нас все понятно. Мы ничего ни от кого не скрываем. Все на эмблеме. Как только взорвем последнего мудака, сразу же займемся только и исключительно булочками. И никаких больше автоматов...

- Круть какая, - думаю я, - Железная логика...

- Хорошо, пусть так, - не унимается этот, в берете, - но почему тогда не колбаса? Известно, что наш народ к колбасе с гораздо большим почтением...

- На колбасу мы еще не наработали, - обрывает того Жора, - Вот здесь все точно просчитано, бюджет колбасу пока не позволяет, - и достает из-под стола набитый бумагами портфель. - Мы не можем давать людям пустые обещания. Нас не поймут. Так что пока будут только булочки - по одной в руки - а уж потом можно постепенно и на мясомолочные продукты перейти. Я думаю, заменить булочку на колбасу не очень сложно? - это он уже мне.

- Нет, - говорю я, - это как два пальца... - а сам думаю: «Ничего себе, надо же, как у него все предусмотрено... Никакой болтовни пустой... Все по делу... Ответственный мужик. С таким приятно иметь дело... И лозунг тоже подходящий... И вообще, - думаю, - интересно, что

они дальше делать будут?..» В общем, пошумели они еще малька, раскритиковали берлинское печенье и рогалик в форме полумесяца и единогласно приняли эмблему с кренделем похожим то ли на морской узел, то ли на запутавшуюся висельную петлю. Проголосовали, закрыли вопрос и без промедления занялись другими важными делами. А ко мне подходит их главный бухгалтер, чтобы, значит, расплатиться за эмблему. Протягивает конверт с деньгами и ведомость на подпись. Все-таки солидная организация... И тут я такой - раз и вываливаю ему: «Аванс, товарищ бухгалтер, я, к сожалению, потратил весь, а этот конверт хочу вложить в общее дело борьбы против всего плохого... И вообще, мне ваша программа жутко нравится. Если вам еще что-нибудь надо, я готов...». - «Записывай его ко мне в группу! - кричит Жора, - Нам на месте без агитации – никуда». Вот так я и стал революционером или террористом... Уже через неделю я сидел в плацкартном вагоне поезда «Москва - Новый Уренгой» вместе с Егорычем – инженером по технике безопасности с «Красного пролетария», Герой – это тот, который на собрании сигарой размахивал,

якутом Юрой, смахивающим на Мао Цзэдуна, и самим Жорой. Официально мы ехали на рыбалку, а на самом деле для создания базы, откуда начнется Исторический поход против всего плохого. Предкам я оставил записку, что меня наняли верстальщиком на муниципальные выборы в Светлогорск, а вот с Маней, как я уже написал, плохо вышло... Только я ей по секрету рассказал и про Жору, и про «БПВП», и про исторический поход, как она мне про плачущих младенцев целую речь закатила... Даже сама всплакнула. Тогда я ей поклялся, что ни одного младенца и пальцем не трону и другим тоже в обиду не дам. А она обозвала меня дураком и сказала, что «младенец» - это фигуральное выражение, и кто угодно и когда угодно может им стать, даже какой-нибудь президент Путин. Вот так. Потраха-лись мы на прощание, и она ушла, хлопнув дверью. Я, когда мы уже в вагон сели, спросил у Жоры, как быть с младенцами и вообще... «Не ссы, дизайнер, - сказал мне Гера, - там, куда мы едем, уже забыли, как эти младенцы на самом деле выглядят... Там последний роддом лет пятнадцать как закрылся».

Тут будет лирическое отступление про рельсы и шпалы и стук колес, про природу за окном, про коптящие трубы заводов, про покосившиеся домики деревень, про безхозных мальчишек, которые кидали в поезд камни и едва не выбили глаз нашему Мао, про светлое или темное небо и про яркие звезды на погонах капитана полиции, оказавшегося завзятым рыболовом и обещавшего показать нам богатые места... Но это будет когда-нибудь потом... После окончательной «ПВХНВП», победы всего хорошего над всем плохим.

- 2 -

Глубокой ночью нас разбудил проводник, и мы сошли на станции Н. с необычным названием. Вроде город небольшой... Жаль, из-за темноты и проливного дождя ничего видно не было. Встретил нас угрюмый прокуренный старик в плащ-палатке, посадил во внедорожник и повез куда-то. Сначала по шоссе, а потом в лес. По дороге Жора показал ему нашу новую эмблему. Старик одобрительно хмыкнул, обернулся ко мне и сказал:

«Молодца, паря, верно смекнул, что мы могём и без огнестрела... Не зря, видать, учился... Молодца. А мой... сука...» и дальше уже до самого приезда не останавливался... Все о своем сыне нам выдал. Он у него бизнесмен: что-то там с лесоповалом или лесопилками связано. В общем, рабочих набрал из мигрантов, их паспорта на их же глазах сжег и денег им теперь ни хуя не платит... А кто права качать, сразу на цепь и батогами, как в книжках про царский режим... Жуть сплошная. Не пойму, ведь воспитывался, говорит, в обычной советской школе, хорошист, в футбол за район играл, председателем комитета комсомола в классе был... Мы молчим, - чего в семейные дразги лезть... А он перекурил это дело «Беломором» и за внуков взялся. Ехали долго... Короче, утром довозит он нас до речки и показывает на лодку с мотором, типа дальше на ней. Мы выгрузились, старик выдал Жоре ракетницу, обрез охотничьей двустволки, патронов к ним пакет и полмешка тротильных шашек. Больше, говорит, дать не могу, потому как остаюсь я... Годов, говорит, мне уже предостаточно, и до Исторического похода я не дотяну, а вот с сучьем по квитаться еще

успею. Я, говорит, железно решил своего сына-кровопийцу со всем его блядским семейством под откос пустить. Послезавтра, говорит, как раз у внучки день рождения будет... Сплюнул, замял папироску, прыгнул в джип и умчался. А мы, значит, сели в лодку, распаковали удочки и поплыли. День плывем... Без приключений... Делаем вид, что рыбу ловим. Гера и вправду наловил прорву плотвы, посолил и нанизал на веревку. Теперь мы были, как самые настоящие рыбаки. На второй день речка закончилась, и дальше мы поперли по лесу на своих двоих. Я всю дорогу вспоминал, как еще маленьким ходил с предками в походы. Рюкзачок за спиной, грибы с ягодами, костер на привале, печеная картошка, бадминтон... Дядя Андрей с гитарой... «Бременских музыкантов» и Высоцкого всегда пел... Весело было. Потом началась рубка капусты, и вместо походов с палаткой мы стали организованно греть пузо и важничать на разных курортах... Короче, через сутки мы вышли, как сказал Жора, на оперативный простор. Впереди маячили скученные домики, наша будущая база и отправная точка Исторического похода. Мы миновали погнутый столб с указателем и ступили на

территорию «дер. Лопаткино». Идем... Вокруг тишина. Я в настоящих деревнях уже бывал пару раз... Правда, в одной в основном писатели и киношники жили, а во второй все больше живописцы и скульпторы... Обычные-то люди туда только жратву типа из-под своей коровы носили... или приходили просто так, на знаменитостей поглазеть... Тут Егорыч останавливается и говорит: «Собаки не лают, значит, никого нет». – «Не может такого быть, - отвечает Жора, - здесь по последней переписи двадцать семь человек зафиксировано». Но в этот раз прав оказался Егорыч. Ни собак, ни кошек, ни людей, ни другой какой сельскохозяйственной живности в Лопаткино не обнаружилось. Жора в недоумении почесал в затылке, тряхнул головой и сказал: «Для базы - это даже хорошо, что никого нет. Посудите сами, если бы хозяева были на месте, тут же возник бы квартирный вопрос и прочие имущественные отношения... А сейчас мы можем выбрать под штаб любую избу, никого не ущемляя...», после чего раздал мне, Гере и Мао химические карандаши и бланки для описи имущества, и мы разошлись обследовать заброшенные дома и собирать полезные для

будущего дела предметы. Сам Жора вместе Егорычем пошел обживать самую большую избу, наш будущий штаб. В первом доме ничего не было. Вообще ничего. Я все обошел. От чердака до сарая. Даже в нужник заглянул. Как шаром покати. Цепь и ту от собачьей будки отвинтили. Во втором доме целый час пересчитывал пустые бутылки и банки. Потом описал стол, лавку и два стула, трехлитровую банку огурцов из подпола, молоток и две сломанные лопаты. В третьем мусора было столько, что пришлось бежать за бланками и точилкой для карандаша. Промудохался до темноты, но определить, что полезно для будущего дела, а что нет, так и не смог... Гере тоже похвастать было нечем. Зато Мао обнаружил четыре канистры с самогоном и сам аппарат. Вечером Егорыч, наконец, запустил ржавый дизельный генератор, и мы собрались в штабе. Жора быстро просмотрел опись лопаткинского имущества и сказал: «Барахло одно... Плохо дело. Солярки у нас только дня на три-четыре, а в потемках революцию только большевики умудрились сделать... Результат вы и сами видели...». Налил нам по полной кружке самогона, а сам пошел

отсыпаться. «Вот это да, - думаю, - Круто. Так сразу и не скажешь...». Я потом, когда мы с Герой вышли покурить на сон грядущий, спросил у него про это несоответствие формы и содержания... «Он в завязке, - успокоил меня Гера, - уже лет десять как. Сам. Исключительно одной силой воли...». – «А ты, - интересуюсь я дальше, - откуда знаешь?» - «Я его еще синим застал, - отвечает Гера. – Он практически на моих глазах реабилитировался...» и рассказал, как он раньше был ветеринаром и к Жориной кошке несколько раз по вызову приезжал. Она, значит, подыхала, а Жора, наоборот, в себя приходиться начал... Любил, говорит, ее очень. Здоровенная такая кошка была... Гюльчатай. Помесь с туркменской рысью, поэтому, говорит, имя такое странное... Потом Жора его на поминки позвал... Собственно, поминки – это громко сказано... Кроме Геры больше никого и не было. Жора, оказалось, исключительно в одно лицо заливал. Принцип такой у человека... А я, говорит, вроде как лечащий врач... Вот так они вдвоем каждый год восемнадцатого марта и встречались... Сам-то Жора уже не синячил, а все равно поляну выкатывал. «А с «БПВП» как

получилось?» – спрашиваю я дальше. «Да очень просто... - говорит Гера, - У него вдруг столько свободного времени образовалось, что он стал сутками напролет размышлять о причинах алкоголизма и... и жизни в целом... Потом книжки пошли разные...». Оказывается, Жора даже английский выучил, чтобы быть в курсе научных новостей по этому вопросу... Короче, одно к другому и, по словам Геры, в оконцовке Жора пришел к выводу, что надо срочно к ебням искоренить все плохое... Тогда, говорит, никакого алкоголизма человечеству больше не потребуется. Все будут бухать положительно и бежать к жизни, а не от нее... «Круто... - подумал я. - Какая у человека оказалась судьба интересная... Вот жила бы себе Жорина Гюльчатая, херачить мне сейчас визитки каким-нибудь козлам, а не стоять перед штабом в заброшенной деревне Лопаткино с кубинской сигарой в зубах...». За завтраком Жора предложил вскопать огороды, чтобы, значит, обеспечить кормовую базу для будущего Исторического похода, но педантичный Егорыч ему напомнил, что у нас никаких семян нет. «А мы, - ответил Жора, - на упреждение будем работать... Семенами мы

после разживемся. Останется только в готовую землю кинуть. К тому же, один хрен до прихода основных сил у нас никаких других важных дел нет...» и ушел землю ворочать. Непробиваемый мужик... Целый день копали... Я все жалел, что только гашик с собой взял, а пакет с травой дома оставил. Там семян... На пару огородов точно хватило бы. Я всегда семечки из бошек высаживаю. Это, можно сказать, мой личный вклад в мировую экологию... Вечером мы залечили мозоли, и Жора снова налил нам по кружке самогона. «Не засиживайтесь, - сказал он, - Завтра поутру пойдем других людей искать. Нам для похода люди нужны, а мы тут... как на даче». На рассвете мы собрали рюкзаки для недельного перехода, попрощались с Егорычем, который оставался ждать подкрепление, и потопали обратно в лес. Я снова про походы с предками начал вспоминать... Не то чтобы других воспоминаний у меня не было, но... А с другой стороны, чего еще? Школа, спортивная секция, художественное училище, беготня от армии, дизайн-бюро, агентство рекламное... И все. Ерунда одна... Жора вон бухал полжизни... Мао воду по степям и пустыням искал... Герка

столько собак и кошек спас... Если бы мы в какой-нибудь Кэтляндии или Догляндии жили, они бы ему памятник поставили... Ну или мемориальную доску уж точно... и орденом еще наградили бы... Орден Почетной стаи... с бантом... даже с двумя... Надо его так запечатлеть... для истории... Надо будет всех написать... Будет, как Военная галерея в Эрмитаже... Жаль, Егорыча не успел... Вернемся, первым делом его набросаю... А Маню так и не написал... Все откладывали, откладывали...

Эту чушь про детские походы, жизнь и Маню и про ордена с бантами надо будет потом вообще вычеркнуть, чтобы общую картину борьбы не испортить... А то совершенно не эпично выходит для Исторического похода. Напишу лучше, что в пути мы размышляли обо всем хорошем, которое придет на смену всему плохому, и наши светлые лица озарялись счастливыми улыбками.

К полудню мы наткнулись на какую-то деревушку. У нее тоже был погнутый столб, а вот самого указателя не было. Так что ее название мы так не узнали. Собаки опять не лаяли, и людей тут, как и в Лопаткино, не нашлось. «Херня какая-то получается», – задумчиво произнес Жора. «Давай карандаши и бумагу, – сказал Гера и добавил: – Меньше народа – больше кислорода». Мы разошлись описывать имущество безвестной деревеньки, а Жора принялся обустривать новый штаб. Я управился за полчаса. Оприходовал две связки дров и ржавые вилы. Видно, что до нас тут уже давно капитальную ревизию сделали... У Геры тоже было негусто, а Мао снова откопал две канистры первача и самогонный аппарат хитрой конструкции. После обеда Жора налил нам по кружке и собрал на экстренное заседание.

- Ситуацию, - объявил он, - я вам описывать не буду. Вы и сами все хорошо знаете... Какие будут предложения?..

- Я, - говорит Мао, - предлагаю незамедлительно идти дальше. Люди, что вода, где-

нибудь должны найтись...

- Не согласен, - отвечает Гера, - Просто так бродить, смысла никакого нет. Надо идти туда, где по твоей, Жора, переписи хотя бы человек сто фигурирует. Может, тогда мы кого-нибудь еще застанем. А еще лучше – это захватить ближайший город. Там-то уж точно кто-то будет.

- На город, - говорит Жора, - одной ракетницы с тротилом не хватит.

Тут я поднял руку и сказал:

- Давайте подожжем деревню или хотя бы один дом для начала. Сразу и узнаем, есть тут в округе люди или нет...

- Вот! Вот! Золотая голова, - похвалил меня Жора, - так и сделаем.

- Смысл? - засомневался Гера, - Приедут пожарники и все...

- Правильно... Пожарники приедут, - ответил Жора, - но только потом, а сперва набегут любопытные. Ты с животными работал, поэтому не понимаешь... Животные от огня бегут, а люди, наоборот, люди к огню тянутся... Вот настоящий художник, он народ своим сердцем чувствует...

Я даже загордился в это мгновение, - приятно,

когда тебя хвалят. Короче, спалили мы всю деревню... Дом за домом. Только штаб оставили для собраний и агитаций. Я, пока избы полыхали, набрасывал карандашом Жору, Мао и Геру на фоне высоких языков грозного пламени... С наступлением сумерек все было кончено, остались одни головешки, но никто так и не появился, ни пожарные, ни любопытные. «Ебануться, - резюмировал Жора, - до чего людей довели...», сплюнул с досады и ушел спать. А мы с Герой и Мао нажрались... Мао рассказал нам, как открыл в себе талант к поиску воды... Оказывается, он в начале восьмидесятых в Афгане служил. Лежим мы, говорит, под обстрелом... Голову не поднимать... Иногда сами стреляем, но, чего там героев строить... Штаны мокрые, ждем вертушки с огневой поддержкой... Я, говорит, в землю вжимаюсь и маму вспоминаю... и сердце стучит так, что кажется, что сейчас вот еще немного и перепонки наружу из ушей выскочат... И вдруг, говорит, - бац! - и все как рукой сняло... Стихло все... Нет, стрельба и крики продолжались... У меня, говорит, внутри все вдруг стихло... застыло... Слышу только что-то вроде журчания... Я, говорит, от удивления

даже про духов забыл. Взял лопатку и копать под собой начал... На два, говорит, метра врылся, пока до воды дошел... Его за это даже наградили медалью. Не за воду, конечно, а за то, что под огнем духов окопался и подал пример другим бойцам и командирам... На следующий день Жора долго сверялся с картой, и мы снова отправились лесом на поиски людей. Я шел и думал обо всем хорошем, которое заменит все плохое и улыбался новому миру... Тут вдруг Мао как заорет благим матом. Мы к нему... Выяснилось, что он в дерьмо чье-то вляпался. Гера посмотрел внимательно, веткой кучу поковырял и уверенно произнес: «Хомо сапиенс». Мы все очень обрадовались и обнялись. Мао, правда, долго ругался, пока свои китайские кеды самогонкой чистил. В «дер. Чмаровку» мы вошли бодрым шагом строителей светлого будущего... Собаки залились звонким лаем, и из второго от дорожного указателя дома выглянул бойкий дедок в тельняшке. «Здорово, отец!» - крикнул ему воодушевленный Гера. А тот: «Кому отец, а кому – пиздец. Проходи мимо не задерживайся». Не ждали нас тут, короче... «Ты, дед, не шуми понапрасну, - спокойно ему так Жора, -

мы из «БПВП». Борцы против всего плохого...». Дед прищурился, оглядел нас и спрашивает: «Борцы?.. Спортсмены что ль? Ты-то, поди, давно на пенсии... и вона бурятец тож... Я спортсменов видал... Иль в тренерах?..» Я не сдержался и ржать начал: «Мы, - говорю, - не спортсмены, мы - новая власть, дедуль...». Он, конечно, сразу не поверил, а Гера ему как рывкнет: «Хорош, бля, вопросы задавать! Где здесь у вас главный по деревне?!» и ногой калитку вышиб... Гера вообще-то иногда на таком взводе бывает... Короче, дед сразу стреманулся... Вы, говорит, не того... не в обиду... Я чужаков опасуюсь... типа места тут глухие и все такое... А начальство, говорит, у нас – вона, внук кривого Федьки Толян. Мы, говорит, таперича евойные... И на крышу с тарелкой указывает. Я сразу ничего не понял, о чем это он... «Ты что, старый, несешь?! - возмутился Жора и рванул за Герой к крыльцу. - Что значит, «евойные»?» Тут дед окончательно обосрался и рассказал, что пять лет назад капитан полиции Толян приехал в родную деревню с документом на землю с крестьянами... Выдал каждому бумагу с печатью с области, и с тех пор они евойные со всеми

пожитками и пенсией... Некоторые поперву в бега подались, тады Толян паспорта забрал и грозил собаками травить... Опосля баб и девок угнал в город на поденщину, здоровых мужиков продал Ибрагимычу, а стариков и детей малых по грибы-ягоды план давать посылает... Телевизоры, говорит, у всех реквизиовал и кажный день за червонец крутит в своем сарае «Кубанские казаки»... «Как ни скажи, а богато при Сталине жили...», - заключил дед под конец. «Неси бумагу, - сказал ему Жора. – Что это еще за крепостное право здесь развелось?» Тут меня Мао за рукав дергает. Пошли типа взгляд бросим на этого Толяна и вообще проведем разведку местности... Подходим мы, значит, к дому, а там вокруг сплошная стена метра под два высотой и ворота железные. Мао присвистнул от удивления и вытащил из кармана две здоровых тротильовых шашки. Вставил капсули и одну мне протягивает. Я - первый, а, как орать начнут, кидай ты, говорит, навесом через ворота, они и успокоятся... Поджег шнур и со всей дури метнул шашку в тарелку. Короче, все так оно и получилось... Уши только чутка заложило. Пролезли мы в покосившиеся ворота, оглядываемся. Во дворе

волкодавдохлый, поломанная женщина на крыльце, и мужик на клумбе с остатками роз хрипит... И крышу, конечно, начисто снесло... Потом говорили, что тарелка до самой Костромы летела, и по тревоге подняли ПВО... Ерунда полная. Пипл гонит круче, чем торчки под кислой... Тарелку вечером пацан местный принес, и Мао в ней корейское рагу из волкодава сделал... В общем, Мао склонился над раненым мужиком и спрашивает: «Ты кто? Толян?» - «Не, то Егор, шестерка его, а баба – то да, то его, Толяновская». Это сосед уже нарисовался, синий от наколок мужичонка на одном костыле. «А где Толян?» – спрашиваю. Не знаю, говорит, в область поехали... Вы-то сами, говорит, кто ему будя? «Мы - власть новая», - отвечаю я и иду к дому. Сосед за мной вприпрыжку... А Толян, говорит, в том разе кто будя? «Говно на палке таперича твой Толян, Серега! – кричит ему дед, который с околицы, и размахивает нашей ракетницей. – Кончилась ваша воля! Наша началась!» - «То мы еще поглядим», - отрызнулся Серега. Тогда дед ему бац в башку из ракетницы. «Ну, - думаю, - дела... Революции еще нет, а уже Гражданская в полный рост...». Тут Жора с

Герой бегут... «Степаныч, ты что это вытворяешь?! - орет Жора. – Это ж свой...». Деда, оказывается, Степанычем звали. «Это, товарищ Жора, не свой, а киномеханик из сарая, - говорит, значит, Степаныч и новый патрон закладывает, – Подпездыш Толянов... Ты не бойсь, - своих-то я всех назубок знаю...». И еще раз бац Сереге этому в упор... Я с крыльца смотрю, местное население к дому начало стягиваться. Сплошь калеки... Пенсия и инвалиды с детьми... Правду Степаныч рассказал... В общем, когда пипл погуще стал, Жора забрался на стену и речь выдал... Сперва отменил к ебням крепостное право, потом доходчиво разъяснил, кто мы, против чего боремся и призвал всех желающих записываться в «БПВП», потому что, говорит, чужой дядя не может знать, что им хорошо, а что плохо... Собрание поначалу притихло от так таких неожиданных известий... Первыми опомнились женщины и поинтересовались, когда начнут раздавать булочки и сколько положено в одни руки... Даже спор затеяли... Тогда одноглазый в телогрейке вдруг всех перебил грубо и вылез из кучи вперед. А Толян-то, говорит, Толян-то что? Иль вы, говорит, промеж себя вперед нас

утрясли? Если честно, я иногда вообще не въезжал, на каком языке они разговаривали... Но Жора его отлично понял... Он, можно сказать, с населением на «ты»... «Толяна и прочую сволочь, - сказал он, - мы полностью ликвидируем с лица этого земного шара... Что касается булочек, мамаша... Если у вас есть пекарня, то прямо сегодня и выдадим. Индивидуально... и по потребности... Но, смотрите у меня, если кто лишнего ухватит, вслед за Толяном мигом...» и пальцем погрозил. В этот самый момент подъезжает к дому понтовый джип. Гудит... Типа толпу разгоняет. Вываливают оттуда прыщ с погонами подполковника и кабан-лейтенант. Это, значит, тот самый Толян уже до подполковника дослужился. Пишл сразу притих весь, на Жору и на нас остальных смотрит... Я охуюваю с этих людей... Мы, можно сказать, их из крепостного права вызволили, а они и пальцем не пошевелили... Толян пистолет из кобуры вытаскивает, палит в небо, матерится и вперед прет... Что тут, говорит, бля, за бардак? По какому, бля, вопросу, говорит, толчетесь, пидорасы? К нему бросается одноглазый и что-то тараторит - мне с крыльца не было слышно - и на

Степаныча с Жорой и Герой показывает... Тогда лейтенант кабанистый тоже пистолет вдруг выхватил... Так Мао их обоих и застрелил с табельным оружием в руках. Он, оказывается, вместо митинга в доме ревизию делал и целый арсенал там нашел... У Толяна вообще столько добра было... Мы потом замучились все описывать. Короче, после этого события пипл нас сразу зауважал... Особенно Мао с карабином в руках. Одноглазый в телогрейке попытался скрыться, но шустрый дед Степаныч достал его из ракетницы в упор. Плохой был чел... Дальше пошла рутина... В джипе обнаружилась челночная клетчатая сумка с зеленой и деревянной валютой... Потом занялись гаражом, дальше домом... Затрахались до упаду. Нашли паспорта жителей Чмаровки, еще кучу денег, оружие и целый продуктовый склад... Жора сказал, что паспорта – это даже лучше булочек в данных условиях... Заодно, говорит, и пенсию можно людям выдать. А вечером было шоу... Степаныч обошел всю деревню и объявил, что типа сегодня будут выдавать паспорта и пенсии. К назначенному часу очередь уже устала ждать и начала между собой возмущаться «новыми порядками»...

Ровно в шесть начался прием населения согласно крепостному списку Толяна. Каждому чмаровцу Жора торжественно возвращал паспорт, пожимал руку и поздравлял с избавлением от феодализма, после чего еще более торжественно вручал денежный эквивалент булочки-кренделя с нашей эмблемы... Потом Гера отводил опарашенных чмаровцев в соседнюю комнату, где Мао выдавал им пенсии или минималку за три последних месяца. А я в это время, значит, сидел в уголке и делал наброски для галереи Героев в Эрмитаже... Когда поток жителей свободной Чмаровки иссяк, Жора в задумчивости почесал подбородок и сказал: «Плохо дело. Молодежи вообще нет. Эти доходяги для Исторического похода совсем не годятся...». - «В город нужно идти, - говорит ему Гера. - Чего тянуть? Оружия у нас теперь полно...». Тут входит чумазый оборвыш с тарелкой в руках. Стоит в дверях, мнется... «Тебе чего?» - спрашиваем мы. «Вашенскую антенну принес для телевизора», - отвечает пацан и типа ждет чего-то... Короче, Гера хотел дать ему пинка, но Жора вдруг передумал. Ну-ка, говорит, иди сюда... Ты, говорит, кто такой будешь? Выяснилось,

что пацана зовут Ленькой и ему почти двенадцать лет, живут они одни с бабкой Настей, потому что мамка и сеструха - передовые работницы в городе, а батя давно в бега подался... «Понятно, - протянул Жора и вдруг спрашивает: Хочешь служить в нашей разведке?» - «В разведке-то?» - переспрашивает Жору Ленька... Типа уже не дитя малое и в сказки не верит... «В разведке... В самой настоящей, - отвечает на полном серьезе Жора, - И оружие получишь... Игры кончились... Все по-настоящему... - потом посмотрел на часы и добавил, - Сегодня же первое задание... Прямо сейчас...». Ленька оглядел нас... Он, видно, вообще ничего не понимал и определенно ждал какую-нибудь подлянку с нашей стороны. Но мы с Герой хранили суровое молчание, а по Мао вообще никогда не разберешь, что он себе думает... «Ну что? - продолжил Жора и неторопливо выложил на стол Макаров. - Ты с нами против всего плохого или как?» Если бы мне в почти двенадцать лет дали в руки настоящий Макаров... Ленька подошел к столу, потрогал пистолет... И что, говорит, за это делать надо? «Будешь нашим связным, - отвечает Жора. - Нужно на базу пакет отнести». В

общем, достал карту и показал, где Чмаровка, где Лопаткино с Егорычем и как до них быстрее добраться; потом сказал, чтобы мы накормили мальчика на дорогу, а сам сел писать письмо... Когда юный разведчик Ленька ушел, довольный Жора потер руки и сказал: «Теперь и у «БПВП» будет свой пионер-герой – достойный пример для молодых поколений...». Я офигеваю... У меня предки иногда такую же херню гонят... Это им в их советской школе так мозги засрали, что они до сих пор никак не очухаются. Тем временем Чмаровка гуляла вовсю. С визгом, пьяными криками и баяном... «И где, интересно, они бухло нашли? – удивился я, – У них же тут никакой коммерции...». – «Да там у каждого в подполе... Ни война, ни крепостное право им нипочем...», – ответил мне озлобленный Гера. Позже к нам в гости зашел бухой Степаныч... Он рассчитывал получить с «товарица Жоры» флакон за революционное рвение. Вот ведь хитрожопый, точно знал, что у Толяна тут всего навалом. Не будь нас, они бы, конечно, тут же все разграбили... Еще и друг друга поубивали бы... Старухам или тому же Леньке точно хуй бы чего досталось... Если честно, те чмаровцы,

которых я видел, мне не очень понравились... Я пошел на кухню за бутылкой для Степаныча и там поделился своими впечатлениями с Герой, а он сказал: «А что ты хотел? Толян знал, кого в крепостные загонять...» и всыпал в бутылку самогона кетамин. Пусть, говорит, этот гондон чакры раскроет хоть один раз в своей сраной жизни... После этих слов я вообще перестал понимать, кого считать хорошим, а кого плохим... и какого хуя мы тогда тут делаем... когда у Геры полные подсумки порошка и колес, и мы могли бы шагать к светлому будущему без остановок и перерывов на обед... «Покури и успокойся, - оборвал меня Гера, - или вон выпей вискарь... Нам здесь по любому подкрепление из Лопаткино ждать...».

Надо всю наркоманию и пьянство убрать потом... и матерные слова. Иначе это не Исторический поход получается, а натуральное бродяжничество и криминал сплошной... Какой-то «На дороге» с местным колоритом... И еще все впечатления про чмаровцев вообще не катят. И про сломанную калитку лучше не стоит... «Пипл» - тоже... Народ должен быть прекрасен в своем ожидании всего хорошего.

Он будет свободолюбив и смел, великодушен, бескорыстен и щедр... И ясное небо... и сыра земля, которая его заждалась... Так потом и исправлю.

- 4 -

В Чмаровке мы пробыли восемь дней... По утрам население скупало у нас Толяновские продуктовые запасы по государственным ценам, а ровно в шесть Жора выдавал каждому денежный эквивалент булочки. Степаныч пришел в себя через сутки и принес нам подробный расстрельный список. Гера покачал головой и сказал: «Попробуем увеличить дозу», и выдал деду за труды еще одну бутылку водки по своему рецепту. В остальное время Жора работал с документацией Толяна, а Мао объяснял мне, как правильно пользоваться оружием, которое мы нашли в доме. Чего там только не было... На целую роту хватило бы. Гера же обходил избы чмаровцев и производил осмотр живности... Население пользовалось случаем, чтобы выяснить у него политику новой власти, жаловалось на тяжкую жизнь,

пытаясь получить двойной рацион булочек, и заодно доносило на всех соседей. Возвращался Гера мрачнее тучи и на третий день попросил у меня гашиш, чтобы «срочно мозги отвлечь...». Иначе, говорит, я этих уродов прямо сейчас перестреляю к ебаной матери... А по вечерам мы, значит, дегустировали напитки из Толяновской кладовой, смотрели на ночное небо и ждали подкрепление, которое должен был привести в Чмаровку наш связной Ленька. Но его все не было и не было... На седьмой день Жора вышел из своего рабочего кабинета совершенно обескураженный. По всем бумагам выходило, что Толян умудрился выстроить в отдельно взятой Чмаровке идеальную модель счастливого общества... «Нужно уточнить еще некоторые детали по угнанным мужикам и бабам, но в целом...», - Жора запнулся и совершенно подавленный направился к минибару... В тот вечер денежный эквивалент булочек раздавали чмаровцам я и Гера. Утром следующего дня помятый алкоголем Жора опохмелился и объявил, что пора переходить Рубикон. Мао получил приказ ждать Леньку и подкрепление, а мы до самого обеда снаряжали джип для войсковой опе-

рации... Перед самым нашим отъездом прибежал очухавшийся Степаныч и принес новый расстрельный список. «Расширенный и дополненный», - уточнил он и предано заглянул нам в глаза. «Натуральная сволочь, - вздохнул Гера, - Таковую мразь ничто не берет...». Жора отвел Мао в сторону и сказал: «Ты за дедом присматривай... Я гляжу, у него склонность к авторитаризму...». – «Забудь... Если что, я его первым к стенке поставлю...», - ответил Мао и крепко обнял нас всех на прощание. С наступлением сумерек мы выехали в направлении ближайшего города... Короче, вынесли мы первую же ментовку, которую нам указал первый же встречный прохожий. Я лично шмальнул из РПГ в окно дежурки. Это не для того, чтобы похвастаться, просто первый раз всегда очень запоминается... Гера и Жора добились уцелевших ментов и вскрыли оружейную комнату. Потом Жора взобрался на джип и в мегафон объявил о начале беспощадной борьбы против всего плохого. А мы, значит, в это время вытаскивали оружие на улицу... Вокруг Жоры постепенно стали собираться люди, и он предложил всем срочно вступать в «БПВП». К нам с Герой моментально

выстроилась очередь... И на всех, конечно, как всегда не хватило... «Не стоит ждать милости от природы! - рявкнул Жора. - В соседнем УВД полно оружия!» В соседнее УВД стрелял тоже я. Второй раз тоже было прикольно... Мы не стали смотреть, как население штурмует любимую ментовку, и поехали в центр брать власть в свои руки... Но власть до нас успела сдернуть. Только чистые кабинеты остались... Можно сказать, к сдаче города все было готово заранее... «Радио!» - скомандовал Жора, и мы поехали к местной радиостанции. Там нас встретил пожилой охранник, сопротивляться не стал и вежливо проводил Жору в студию... А мы с Герой остались у машины и охраняли вход. Стрельба уже повсюду слышна была... «Скоро менять тебе булочку на бутерброд, дизайнер», - хохотнул Гера, и мы закинулись колесами... В общем, Жора объявил на всю страну, что началась безжалостная борьба с плохим, и мы поехали дальше. В следующем городе было все то же самое... Только мы раздали населению оружие, сразу война началась. Жора сказал, что народ должен сам во всем разобраться... А Гера на это хмыкнул. «Ты не прав, - ответил Жора. - По животным ты -

специалист, я не спорю, но в людях совсем ничего не понимаешь... Вот художник...», - и он хлопнул меня по плечу. А я-то вообще больше ничего не соображал после Чмаровки и Гериных колес... Только всю дорогу думал про Степаныча: «Как это так, что его даже не зацепило?..» Ни о чем другом я больше думать не мог... И мы поехали дальше...

В эту главу надо добавить подробное описание сражений и битв... Не просто свист пуль и грохот взрывов и мат сплошной, а что-нибудь действительно героическое... Надо поручить какому-нибудь писателю-баталисту... Типа по Жориному призыву хорошие люди вступают в «БПВП» и организуют отряды самообороны против всех плохих... Хорошо бы еще придумать песню какую-нибудь боевую. И они будут убивать друг друга до полной и окончательной победы со слезами на глазах...

Мы проехали пять городов, но к нам никто так и не присоединился. Населению было не до того. У них и по месту жительства плохого хватало выше крыши... Но нас это больше не беспокоило. Пьяный в жопу Жора непоколебимо верил в торжество добра над злом. Гера, наоборот, полностью разочаровался в человекообразных и призывал чуму на все их дома вместе взятые... А я... Я, если честно, тоже перестал понимать разницу между хорошими и плохими, но мне все больше и больше хотелось увидеть своими собственными глазами, чем все это на самом деле закончится. А то историки потом вечно понапридумывают черт знает что... Было бы интересно сравнить... Ведь в реале - ничего интересного... Утром стреляешь, вечером штаны застирываешь... Писать некогда. Едим полуфабрикаты. Жора не просыхает, но держится бодрячком... Наверное, Герка ему витамины в бухло подмешивает... Мы и сами только на них последние дни держимся... Но погибли мы, конечно, как настоящие герои... После ночного перехода Жора сказал, что мы снова вышли на

оперативный простор и что теперь наша задача - захватить крупный железнодорожный узел. Гера дремал, а я вылез из машины, чтобы размять ноги. Предрасветная тишина... Пар над зеленой травой... Слева от железнодорожного полотна находилось укрепленное предместье города. Справа – колонна «Тигров» и пехота. Сверху медленно розовеющее небо... Надо сказать, в утре перед боем действительно что-то есть... Жора разложил на капоте джипа карту, долго над ней колдовал и, наконец, ткнул пальцем в какую-то точку. «Вот здесь, - сказал он, - и будем прорываться. В бой не ввязываться. Главное – взорвать станцию...». Все почти что получилось... Я протяжно протрубил клаксоном, мы дружно жажнули из гранатометов по «Тиграм», и гвардейская пехота героически разбежалась... Тогда мы въехали на насыпь и экспрессом помчались к вокзалу. А вокруг уже началась привычная перестрелка... «Что за хуйня?» - удивился Жора. Я тормознул у будки стрелочника и до смерти перепуганная железнодорожница одними междометиями рассказала нам, что с севера или юга на город напали лесные братья из какой-то быпывыпы... «Братцы, да это же Егорыч!

Ленька!.. Ай да Ленька! Дошел! Дошел! Дошел сукин сын!» – воскликнул счастливый Жора. Я посмотрел на Геру и увидел, что он снова обрел потерянную веру в человечество... «Вперед!» Я вжал педаль газа в пол, и мы устремились к хвостам товарных составов. Было очень жаль, что Жора запретил мне писать засекреченного разведчика Леньку... Пацан-то хотел всего лишь срубить денег малька, а стал пионером-героем... Вот так. Все зависит от перспективы... Мы были уже почти у цели, когда справа вдруг раздался шум вертолетных двигателей, и в нас влетела противотанковая управляемая ракета... Не знаю, как там Жора с Герой, а я ничего особенного не почувствовал. Меня просто разнесло в клочья.

Тупо как все вышло... В детстве мне очень хотелось быть пилотом вертолета. Вместо этого меня отдали в музыкальную школу, а домой купили детское фортепиано. И играя на нем гаммы и этюды, я всегда с силой нажимал на педали. Мысленно я пилотировал «Крокодилы», «Аллигаторы», «Черные акулы», «Ирокезы» и «Апачи»... Я метко обстреливал танковые колонны, взрывал склады с бое-

припасами и вражеские казармы и вывозил из непролазных джунглей своих раненых товарищей... Короче, детские бредни... Никаким пилотом, как вы знаете, я не стал. Не судьба, значит... Обстоятельства не сложились... А ведь будь я вертолетчиком, я, конечно, никогда в жизни не погиб от прямого попадания противотанковой ракеты... Никогда. Ее выпустил бы я».

ПАДЁЖ ОКОВ № 2

(история о роли личности
в истории другой личности)

Ровно в девять часов утра Александр Иванович Удруков вышел на центральную площадь города ННы, под сенью громоздящейся на высоком постаменте лобастой головы Ленина разложил стол и стул из коммунистического китайского пластика и в свернутый собственными руками картонный рупор, грасируя, объявил о сборе подписей за скорейшее и окончательное погребение мощей гражданина Ульянова Владимира Ильича. «Не толпиться, подходить по одному», - предупредил горожан Александр Иванович строго.

Охранявший бронзовый бюст от

потомков пионеров-металлоломосборщиков коммунист Матрасов накинулся на Удрукова в нецензурных выражениях, но сотрудники полиции охолонули горячего часового ударом ствола автомата под ребра, напомнив о недопустимости употребления непотребной лексики в публичном пространстве, после чего оставили галочки в рукотворном бюллетене Удрукова и отправились дальше по своей патрульно-постовой нужде. Подобное непривычное привычному взгляду равнодушных россиян поведение правоохранителей имело под собой вполне прозаическое объяснение: в городе НН Александр Иванович почитался «местным сумасшедшим» и носил уменьшительно-ласкательное прозвище Шура-дурачок. Когда полицейские скрылись из вида, гуманист Удруков помог скрюченному болью Матрасову подняться на ноги и примирительно протрубил на всю площадь: «Голоса «пготив» будут собигаться завтга в это же вгемя!» И это была чистая правда.

История и врачебная тайна умалчивают, когда, где и по какой причине ум Шуры-дурачка зашел за разум. Местное радио авто-

ритетно утверждало, что в 1974 году он родился уже помутненным, поскольку внебрачным отцом его был кретин Ануфрий, сгинувший еще в тридцатые за бойкую троцкистскую пропаганду; старожилы костерили «перестройку», «ускорение» и особенно «гласность», от которых не один Удруков поехал крышей; но были и такие, кто отрицал всякое сумасшествие Александра Ивановича, выдвигая версию о высокодуховном и богатом внутреннем мире неугомимого ныншнего активиста.

Как бы там ни было, человек и гражданин Шура-дурачок был в своем роде знаменитостью и городской достопримечательностью. Каждое божье утро он выходил на центральную площадь и митинговал. Требования у него были самые разные, противоречивые, а то и совершенно противоположные. Так, если накануне он требовал прекратить задержку зарплат и отдать «Банду Ельцина под суд», то назавтра от имени всех голодающих шахтеров призывал страну работать бесплатно до полного и окончательного построения светлого капиталистического будущего Бориса Николаевича и его многочисленной семьи. Тогда его сильно поколо-

тили бюджетники; хорошо, что другие бюджетники оказались рядом и два раза прицельно-предупредительно выстрелили в воздух. Но Удрукова это не остановило... Он уважал право Чечни на независимость и одновременно предлагал немедленно сбросить на Грозный водородную бомбу имени совести русского народа академика Сахарова; он защищал ни в чем невиноватого Ходорковского и настаивал на его скорейшем расстреле; он обличал фальсификаторов из избиркомов и триумфально праздновал победу «Единой России»... Можно сказать, Александр Иванович воплощал собой чистой воды амбивалентность и полнейший плюрализм мнений; при этом в отличие от своих интеллигентных коллег он был совершенно бескорыстным. Дурачок – он и есть дурачок.

«Соггаждане! - надрывался Удруков, - Нужно чаще и чаще... Нужно постоянно говорить о том, что памятники Ленину - это памятники кговавому убийце! Уже давно мы стали называться Госсийская Федегация, но наше госудагство пгодолжает наследовать идеалы пгоклятых «большевигов». Подумать только...

Подумать только, мы так и не оттеклись от их стгашнейших пгеступлений. А нынешняя власть? Посмоттите! Посмоттите, оглянитесь вокруг! Она пгосто откгыто наследует власти теггогистической огганизации «большевигов». Памятники Ленину стоят в каждом гогоде... и даже в некотогых дегевнях... Тело его лежит на Кгасной площади! Соггаждане, Ленин до сих пог не захогонен! Подумайте об этом. Задумайтесь!.. Мегтвый тгуп в центге целой стганы! Виданое то дело?! Тгуп... Мегтвый... Он наводит сквегну на наши плодогодные луга и поля... Загажает нашу птицу и скот... Отгавляет воздух нашим заводам и фабгикам... Он ежедневно губит Гогсию. Покончим же с этим, соггаждане! И Ленина пгедадим земле! Тогда заживем по-стагому! И будет нам счастье везде! Уга! Уга! Уга!»

Матрасов на всякий случай отошел в сторону и стал продумывать план бегства, потому как ннцы, размашисто расписавшись в тетради дурачка, не торопились расходиться, а принимались рассуждать о положительных изменениях, которые обязательно наступят после захоронения кровавого убийцы. При этом они зло косились на бюст и на ком-

муниста. У всех и у каждого появились неоспоримые доказательства, что уж теперь-то точно «заживем» и снова будем кормить Европу хрустящими французскими булками. Тут же появилось падкое на бузу казачество, моментально нарезалось и гордо звенело чужими наградами. Местный поп протянул «Боже, Царя храни-и-и-и»; продолжения славного гимна он не знал, но в целом произвел на публику хорошее впечатление.

К полудню жизнь в городе окончательно остановилась: центральная площадь и прилегающие к ней улицы были запружены согражданами, желающими навечно похоронить гражданина Ульянова В.И. и быстро вернуть все взад...

К полудню следующего дня жизнь окончательно остановилась по всей необъятной стране. Бесперебойно работали лишь офисы «DHL», «UPS» и «Chronopost», куда представители общественности торжественным ходом под хоругвями и надзором полиции несли посылки и бандероли с адресом «Москва, Администрация Президента Российской Федерации».

На Ильинке нооскопы из Управления по работе с обращениями граждан и организаций челобитные приняли, занесли в базу данных, отсортировали по алфавиту, сохранили на USB-флэш-накопитель и вручили своему изобретателю Антону Эдуардовичу Вайно. Для других операций нооскопы пока не годились, поскольку необходимых незаурядному ученому технологий и материалов природа еще не придумала, но самому Вайно и этого было довольно: национальная идея была де-факто найдена.

В воскресный день суверенные граждане суверенной страны вышли со дворов и дружно повелись на референдум, чтобы демократическим путем решить вопрос о передаче потомкам гражданина Ульянова Владимира Ильича мумии из мавзолея Ленина. Погода стояла великолепная с точки зрения «Новой газеты», «мрачные тучи застилали небо» с точки зрения «Правды», и «облачно с прояснениями, местами небольшой дождь» прогнозировал Гидрометцентр.

Леонид Соломонович Бланк был вдов, оба сына его давным-давно эмигрировали, ста-

рый приятель слег с инфарктом, соседи уехали голосовать по месту прописки, поэтому ему пришлось вестись на референдум в индивидуальном порядке. С наступлением сумерек он вышел из дома, вдохнул полной семидесятилетней грудью отравленный Ильичом московский воздух, положил под язык валидол и, опираясь на зонтик-трость, неспешно направился переулками к своему избирательному участку.

Леонид Соломонович шел и в глубине души посмеивался над самим собой. Подумать только, каких-то несколько месяцев назад ему совершенно надоело жить в России долго, надоело так, что хоть святых выноси, и он наконец поддался бесконечным уговорам своего старшего и таки решился на переезд в Израиль, но... вот штука – жизнь: какой-то далекий город... гражданский сход... и вывод - мумию в расход... резолюция - «Долой революцию!..», за ней - петиция, манифестация... одна, вторая, третья... сто пятая... встряхнутая от сна страна... вихрь новой идеи смел большевизм... и президент оказался «за»... Об одном сожалел в тот момент Леонид Соломонович. Что надо было раньше, что теперь

жизнь прошла... годы... не вернуть годы... и даже не сказать, что пусть хотя бы внуки... потому что тем никакого нет дела ни до России, которую они никогда не видели, ни до референдума, ни до самой мумии, если она не голливудский художественный фильм... А ведь все было бы по-другому... могло бы быть... И все - так просто... Ленина на погост... и заголосят ангелы, и небо покроется алмазами, и зло потонет в радости, и не надо работать... ни осенью, ни зимой под снегом... и больше не надо работать... Ах, если бы раньше... Если бы знать, если бы знать...

Заморосил обещанный метеорологами небольшой дождь; Леонид Соломонович остановился, принялся распутывать застежку зонтика... Он не заметил, как из темной замоскворецкой подворотни выползли трое: старость и юность, и дух перегара... Обступили, наотмашь ударили, сбили со слабых ног... в седовласую голову въехал тяжелый сапог... «Н-на, получи, бля, пархатый! Н-на, бля, н-на, н-на, н-на, н-на... За то, что хороните нашего Ленина!»

ЭПИЛОГ

Александр Иванович Удруков неугомонно продолжает свою борьбу. В настоящее время он противоречиво призывает установить мемориал жертвам строительства Санкт-Петербурга и снести все памятники кровавому тирану Петру Первому.

Дети Леонида Соломоновича увезли изуродованное тело отца в Израиль и похоронили в Иерусалиме.

Матрасов сам украл бронзовую голову вождя, сам сдал ее в пункт приема цветных металлов и на вырученные деньги сам создает свою партию «большевиков».

Самого Владимира Ильича Ульянова без помпы погребли на Волковском кладбище. Скоро его могила стала местом паломничества людей доброй воли со всего мира и просто любознательных туристов.

Мавзолей разобрали рабочие, потом кто-то якобы продал его неназванным покупателям, которые собрали его уже в Лас-Вегасе и открыли в нем шикарное казино «Ленин».

А в России коровы стали телиться семнадцать раз в год, зерновые и бобовые

стали вызревать в течение месяца, самородок Кулипопов на удивление всей галактике собрал вечное паровое радио, и где-то в сибирской глубинке появился старец, выдавший себя за Ульянова-Ленина.

Должен же кто-нибудь снова все испортить...

ПРОСОХШИЕ

К «Майору» пришли рано утром и взяли тепленьким. Спросонья он вообще ничего не соображал, сразу пошел на сделку со следствием и начал давать признательные показания.

«Я, Соболев Сергей, майор полиции жил себе обычной нормальной жизнью... Все, как у всех нормальных людей. То есть как у всех нормальных полицейских... Ну и у людей тоже. Чего уж там... Мы ведь все из народа... Из самого что ни есть простого... Батя у меня шоферил на самосвале. Почти сорок лет за баранкой. Мамаля - поварихой в детском саду горбатилась. Руки до земли оттянула на такой каторге... Пока сумки до дому дотащишь, руки-

то... Короче, все, как у людей... В общем, нормально жил... Все, как говорится, путем было... Когда торчку герыч подсыплешь, чтоб не возиться долго... Я б этих уродов вообще без суда и следствия... Да-а... Когда деваху какую-нибудь забредшую оприходуешь... Они ведь как? Только в отдел, сразу орать... Нет бы вежливо, а то - тут же в крик... Права там, закон о полиции и все такое... Так отведешь дуреху в клетку и сразу в ухо... А там, задирай юбчонку и жарь... занимай очередь... С джинсами только беда... Ну такие... которые сейчас в моде... узкие такие, к ногам липнут... Пока стащишь, они опять в себя приходят... Ну и снова в ухо... В другое, конечно, чтоб, значит, не оглохла совсем... Мы ж не палачи эти... которые сталинские... Юстиция все-таки... А порвутся джинсы-то, так и хуй с ним... Дашь ей потом пинка под сраку... Ну и брошюрку о полиции и о законах разных всунешь... чтобы читала... Типа, чтобы просвещалась, в смысле... как правильно к нам обращаться и все такое... С мужиками тоже бывало, но вообще-то я не любитель... Швабру там или флакон литровый в жопу вставить - это да, это без проблем... даже смешно... а так... Это не по

моей части... Я ж не пидор какой-нибудь... Я даже дубинку свою рабочую и то побрезгую, а уж хуй-то родной... Ну что еще?.. Барыг потрясти сам наш православный бог велел... Разжирели на народной-то шее... Пенсионерам пенсии не хватает, а эти... Ценники по три раза в день меняют... Сам видал, бля буду... Гнилью торгуют просроченной... детворе сигареты с сивухой продают до восемнадцати лет... Что ж их за яйца не взять?.. Сам бог... Да-а... С черножопыми и чурками разными я тоже никогда не возился... Понаехали, бля... Вот чего им дома не сидится, а?.. Все к нам на матушку Русь лезут... все урвать норовят... Ослоёбы горные... Ну и дальше... так, по мелочи... Салоны с малолетками... Террористам патроны подкидывал... Типа для профилактики... Две медали получил... Жаль у нас на Рязани с террористами не ахти... Только два раза и прокатило... А уж сколько народу я на своем джипаре подавил... И не сосчитать... Однажды всю семью укатал... Мама, папа, я... Я на него даже хромированную решетку спецом навесил, чтоб лохи отлетали и полировку не портили... Мыть удобно... Короче, хорошо жил... спокойно... Говорю ж, все было в поряд-

ке... все, как у людей... по-человечески... Все путем... с богом в душе... как положено... Уважение в обществе и... и тому подобное... Не просыхали крепко... по-мужски... В церковь ходил... Свечки там... водица святая... утром - хорошо освежает... Хорошо было... Чего говорить, горя не знал... Да-а... И в один день - все в пизду... все на хуй... вся жизнь к ебене матери... Разбудили меня... Разбудили, значит... Да-а... Ну а дальше... Дальше вы сами знаете... Кино-то, небось, смотрели... Да уж... наворотил я тогда дел... Верите, самому страшно... На ровном месте... Тьфу!.. И чего я вообще?.. На хера?.. Э-э-эх, надо было сразу Пашку Коршунова слушать... Правильно он все сказал... бляха-муха... Сейчас-то я, конечно, понимаю... Теперь-то все ясно, чего это меня вдруг так переключило... Почему я, как говорится, с правильного надежного пути сбился... Гады цэрэушники... Вот гады... Это ж надо, а?! Сперва усыпили, суки, а потом трезвонить ни свет ни заря... А мы свалились только в четыре... в сауне с малолетками из детдома... Ну, я уж говорил про салон... В общем, я ж вообще тогда ничего не... Откуда ж мне знать, что это не роддом, а сам Госдеп... На нашенском он

лучше меня базарит... Правда, шумело что-то в трубке... Это, наверное, у Вашингтона с Рязанью связь плохая... Но я ж говорю, я никакой по утрам... Я думал, что это у меня в голове... как обычно... Откуда ж я про ЦРУ?.. И вообще... И вообще, это ваша работа... Цэрэу-херэу... На хуй вы тогда сдались все?.. Предупреждать надо... что типа появилась банда вашингтонских клофелинщиков... Или чем там они у вас усыпляют?.. У них, поди, что-нибудь покруче будет... Я клофелин как-то на шалавах испытывал... Там другой результат... Я б после клофелина даже тормозить не стал... и канители, бля, не было б... Нет, тут другое... Тут что-то посерьезней... а вы, бля... а вы и не чешетесь... Говорю ж, предупреждать в таких случаях надо... оповещать население... А вы... А теперь получается, что это я родину предал... Вы нихуя не делаете, а теперь выходит, что я - предатель из этой... как там его... из этой пятой колонны... Да я... Чтоб я?.. Да я за родину... я за родину, бля!.. А мне, значит, теперь чалиться... Сколько там мне?.. Да, конечно, суд решит... Вся жизнь под откос... Вот блядь!.. Блядь, блядь, блядь!.. Сука!.. Погоди... Ну-ка... погоди... погоди... Так... так...

А ведь я знаю... Точно!.. Точно... знаю я, кто главный цэрэушник у них... Знаю, бля... по чьей вине я тут... Это этот самый режиссер... сучара... Как там его?.. Быков... Быков... Точно!.. Вот он и есть... Он и есть... со своим кино блядским... Я ж спал... Он-то меня и разбудил... сука... Небось, сам и звонил... Кому еще?... Козел... Вот козел... А шум?... Шум... шум они там у себя намастырились издавать... какой хочешь... Хоть в три дэ, хоть в четыре... Что ему шум?... Сами ж говорите, что цэрэу... Они там у себя в Голливуде и не такое могут... Вот этого Быкова и надо арестовать... и в подвал сразу... и... пиздить, пиздить, пиздить... пока не сознается... Он у них главный... падла... Сами подумайте, что он народу крутит... Люди ж спят себе нормально... забот не знают... ни о чем таком... спят себе... а эта гнида... Вот ведь сука какая... Бля... фашист... предатель... шкура продажная... родину... родину предал... предатель... шкура... шкура... шкура... Люди ж спят...».

Следующим утром элитно-элитарный спецназ ФСБ окружил дом, где проживал известный режиссер Юрий Быков и, разрушив

три стены, два перекрытия и перестреляв возмущенных соседей, взял решительным штурмом пустую квартиру.

Вечером того же дня в Лэнгли матерый шпион Джорж Эй Булл получил из рук директора ЦРУ крест «За заслуги в разведке» и устную благодарность президента.

ШАХИДЫ ЭПОХИ

В очередной раз Антон Яблоков окончательно разочаровался в жизни в четверг вечером. Случилось это на кухне его собственной двухкомнатной квартиры с подвесными потолками, стеклопакетами, полом с подогревом и прочим евроремонтом. В полдень одноклассник Славик по прозвищу «Тумба» прислал «Антоновке» чудовищных размеров архивированный видеофайл с пометкой «альма-матерь-ебатьерь!!!», и поскольку никаких дел после работы не нашлось, Антон под заказную пиццу и импортное пиво до полуночи просматривал запись с камер наблюдения своей родной Средней общеобразовательной школы с углубленным изучением

иностранных языков.

На экране черно-белые члены избиркома черно-белого участка №Н заученными жестами вбрасывали и приписывали; видно было, что никто их не понукал и не торопил: работа выглядела рутинной и шла соразмерно привычному ритму. Разрешение картинки оставляло желать лучшего, но своих учителей Антон быстро узнал. За исключением физруков, чертежницы, химички, географа и «французенки» весь преподавательский состав с выпускной фотографии был в наличии. Он вглядывался в передвижения знакомых фигур по знакомому с детства актовому залу...

От ботанички Анфузории Борисовны, математички Веранды, классной руководительницы Губки, историка Дятла и директора Еблана в любой момент можно было ожидать какую угодно гнусность; удивило то, что в их компанию затесались учительница первая его Жанна Потаповна, «англичанка» Ирочка и, главное, физик «Киря», Кирилл Леонидович. Антон не очень любил ни школу, ни школьные годы вообще и только к этим своим педагогам относился с некоторой теплотой.

Он вспомнил, как Жанна Потаповна резко одернула его соседа по парте Витьку Чердакова, когда тот во время посещения Бородинской панорамы ни с того ни с сего ляпнул о первостепенной роли товарища Сталина в победе над гитлеровской Германией; ее отповедь была даже излишне жесткой по отношению к неразумному третьекласснику, и «Чердак» на глазах изумленных иностранцев разрыдался. Ирочка два года мучила их английскую группу внеклассным чтением романов Оруэлла, проводя недвусмысленные параллели Океании с почившим в бозе Советским Союзом. Кирилл Леонидович три раза сопровождал класс в автобусных поездках в Варшаву, Будапешт и Прагу и в каждом городе целый день водил их по памятным местам знаменитых на весь мир народных восстаний, и с дрожью в голосе рассказывал о том, как в сорок четвертом, пятьдесят шестом и шестьдесят восьмом практически безоружные люди мужественно противостояли вооруженному до зубов немецко-русскому фашизму...

В Праге они с «Чердаком» подрались. Вечером последнего дня они распилили припасенную на этот случай бутылку родной

водки, запили чешским пивом, которое купил им накануне сердобольный пражанин, закусили сетевым международным бургером, окосели и на правдивом и свободном заспорили о том, что совершалось и совершается великим дома и по соседству. Стены двухзвездочного отеля для публичных диспутов не годились, и им то и дело приходилось понижать голос до шепота и поддерживать равновесие окружающей мебели. Мнения быстро разделились. Пьяный Антон монотонно пересказывал содержание экскурсии физика, такой же пьяный Витька мотал головой и утверждал, что не все так однозначно. Когда «Антоновка» зашел на четвертый круг, «Чердак» окончательно отмахнулся от него, обозвал «Кирю» «жидом с жидовскими росказнями» и уронил настольную лампу.

Домой оба возвращались в черных очках, купленных на переведенные в кроны последние кровные доллары, и с тех пор никогда не разговаривали, хоть и досидели вместе до самого выпускного.

Антон отогнал воспоминания прочь и в два раза увеличил скорость видеоплеера.

Работа в избиркоме №Н пошла заметно бодрей. А при четырехкратном ускорении черно-белые преподаватели, снующие возле составленных в линию столов, превратились в роботов на конвейере. Он дожевал пиццу, выпил еще пива, и ему стало обидно, что в свое время поверил в искренность Жанны Потаповны, Ирочки и Кирилла Леонидовича. Похожее чувство он испытал, когда ему изменила жена, теперь уже бывшая.

- С чего это «Киря» вдруг... - думал Антон. - И зачем?.. Работу боится потерять?.. Не посадят же... Прикинулся бы больным в крайнем случае... В его-то возрасте...

Его огорчал не сам обман, досадна была своя собственная доверчивость. Чтобы оправдать себя, он попытался найти внятное объяснение притворству физика, но ничего, кроме теории грандиозного заговора против одного конкретного класса московской Средней общеобразовательной школы с углубленным изучением иностранных языков, не выходило, и на вопрос «зачем нужно было морочить им мозг в свободное от работы время?» ответа не было.

Пиво скоро кончилось, и из холо-

дильника вылез синий «Ходок». После трех стопок в голове Антона снова возник пьяный «Чердак» в двухместном номере отеля на окраине Праги, который, по всему получалось, тогда был прав. После седьмой стопки он вконец опечалился, захлопнул ноутбук и во весь голос постановил, что вся жизнь - дерьмо. После девятой он набрал мой номер.

Я познакомился с Яблоковым на дне рождения подруги его бывшей, куда случайно заглянул по пустяшному делу. Узнав, что я сценарист, он отчего-то обрадовался и сообщил о наличии у него тем в полном количестве и даже одной супертемы...

С тех пор Антон мне время от времени звонил и предлагал снять фильм. Обычно это происходило после праздников или длинных выходных, когда он активно тусил с друзьями. Между посещением друг друга, баров и клубов они обязательно генерировали какую-нибудь гениальную идею для сценария. Потом он мне все это в красках и подробностях пересказывал, а я терпеливо слушал и в душе радовался, что не выбрал стезей медицину.

Трагическим тоном Антон поведал мне о видеозаписи, о, как только что выяснилось, фальшивом Кирилле Леонидовиче и в конце рассказа спросил, что ему теперь делать и как дальше жить...

- Взорви школу, - незамедлительно ответил я.

- Как это? - удивился он.

- Тротил заложи и ебани... Могу дать телефон одного копателя черного... Он этого добра наплавил... теперь не знает, куда девать... А так для хорошего дела сгодится...

- Чего тут хорошего? - засомневался Антон. - Это ж терроризм.

- Сегодня терроризм, а завтра героизм... Может статья, этим ты дашь новый импульс всему российскому образованию... и вообще всей мировой педагогике...

- А дети? Взрывать-то с детьми придется...

- Да хуй с ними, - отрезал я.

- Детей жалко... - сказал Антон. - И, главное, что это за педагогика, если без детей?

- Тогда взорви на следующие выборы. Так даже лучше... Будет конкретная цель и день «Икс»... И подготовиться нормально успеешь...

- Не знаю... - вздохнул он.

- Тогда забей... Мало ли кто и когда детей

наебывал... Раньше учили, что Земля - плоская, и никто Птолемею претензий не предъявлял...

- Так это когда было-то...

- Какая разница? Важен принцип. Ты только подумай, какое у народа было разочарование, когда они узнали, что они больше не центр мироздания, а сплошное недоразумение с обезьяной в роли бабушки...

- Да уж, - согласился Антон.

- В общем, забей и живи, как раньше... И вообще, ученики за учителей не отвечают... и учителя за учеников тоже... - успокоил его я напоследок и выключил телефон.

В воскресенье Антон поехал к Кириллу Леонидовичу. Человек сугубо рациональный, он свято верил, что всему на свете должны быть причина и объяснение, и только докопавшись до «истины» можно будет вернуть себе душевное равновесие. В конце концов, с уходом супруги он окончательно примирился, когда один из близких друзей высказал смелое предположение, что его соперник просто длиннее, шире или быстрее пенисом. Не то чтобы подобная новость Антона сильно обрадовала, но вполне логическое объяснение

измене было найдено и с фатализмом принято. Возмущаться проделками природы он нашел крайне неразумным, и жизнь быстро вернулась в привычное русло.

Антон припарковал автомобиль рядом с детской площадкой, где жильцы дома выгуливали своих четвероногих питомцев, но сразу не вышел, а закурил и принялся еще раз раздумывать над тем, что выскажет разочаровавшему его педагогу. Несмотря на двухдневную подготовку и старательно записанные в ежедневнике тезисы, предстоящая обличительная речь получалась слишком сумбурной. Он с тоской посмотрел в окно, в зеркало заднего вида и там увидел Витьку. Тот быстрым шагом шел к подъезду Кирилла Леонидовича, что-то бубня себе под нос.

- «Чердак!» - Антон опустил стекло и махнул однокласснику.

Витька залез в машину и пожал протянутую старым товарищем руку.

- К «Кире»? - спросил Антон, чтобы как-то начать разговор.

Витька кивнул и тоже закурил.

- Выходит, «Тумба» всем сделал рассылку?

Витька снова кивнул и добавил:

- Мне вчера Скворцова звонила... Она хотела своего бэбика в нашу школу отдать, а теперь вот...

- Думаешь, в других лучше?..

- Я ей то же самое и сказал...

- Я, главное, не пойму, зачем он нам все это рассказывал... про восстания и... Никто ж его не просил... Ладно еще, если б он историком был...

Витька молча курил и смотрел в сторону подъезда.

- Прав ты тогда был... в Праге... - продолжил Антон.

- Перестань... «Кирия» же никакой не еврей... Я всего лишь тебя хотел подразнить... Чтоб ты поменьше уши оттопыривал...

Антон ничего не сказал, а лишь подумал о своих легковерности и впечатлительности и еще о том, что, оказывается, «Чердак» это давно и хорошо знал.

- А ты, значит, собрался у «Кири» выяснить, почему он бюллетени подделывал... - с усмешкой констатировал Витька.

- Ну должно же быть какое-то объяснение...

- А если нет?..

- Как это?

- Да вот так...

Такого варианта Антон не предполагал; он на секунду умолк, а потом перешел в наступление:

- А сам-то ты зачем к нему?

- Хочу дать ему диск с записью, чтоб знал, что мы все о нем знаем... - спокойно и уверенно ответил Витька.

- Типа на совесть давишь?..

- Какая там совесть, ты что? Нужно, чтоб они знали, что мы знаем... и все... Что есть свидетели... И что у свидетелей есть имена... И что...

- Витька вдруг запнулся.

Из подъезда вышел Кирилл Леонидович с черным лабрадором на поводке и неспешно направился к детской площадке.

- Кто первый? - спросил Антон.

- Иди... И вот, отдай ему флешку... Даже не хочу с этой сволочью разговаривать...

- Погоди... Должна же быть какая-то причина...

- Иди сам, - Витька вытащил из кармана флеш-накопитель на длинной цепочке. - Потом расскажешь...

Когда Кирилл Леонидович миновал раскрашенный большими ромашками домик, оттуда вылезла староста их класса Надька

Скворцова. Антон и Витька переглянулись. Они не могли ее слышать и только видели, как она, вытянув вперед руку, показывает физику экран своего смартфона... «Кирия» терпеливо выслушал ее, что-то сказал, развернулся и двинулся дальше. Тогда Скворцова достала из сумочки наградной револьвер своего прадеда, комиссара РККА и участника Гражданской войны. «Антоновка» и «Чердак» окаменели: этот револьвер системы Нагана и семь блестящих патронов к нему висели в застекленной рамке над старым расстроенном фортепиано в гостиной семьи Скворцовых и были предметом зависти всех мальчишек в классе.

Сперва Надежда пристрелила вилявшую хвостом собаку, а потом холоднокровно выпустила пять пуль в седую голову любимого учителя.

МОБИЛИ

Взмокший от трудов и волнений председатель сочинской оппозиционной ячейки Шуркин ворвался в свой кабинет и с порога выдохнул шести парам нетерпеливых от долгого ожидания глаз:

- Разрешили!

Что тут началось... и не описать. Все повскакивали, загомонили наперебой, с радостью потирая руки, похлопывая ими же друг друга по плечу и счастливо улыбаясь тем, что осталось за годы напряженной борьбы с режимом; взор их сверкал, речи были дерзки, движения порывисты. В магазин решено было сразу послать гонца и отметить победу, но председатель остудил общий энтузиазм:

- Разрешили, да не все... - многозначительно произнес он.

Оппозиция вздохнула и разбрелась по местам. Шуркин занял кресло во главе длинного стола и коротко описал ситуацию:

- Памятник поставить мы можем, а вот с почетным гражданством не получилось...

- Тираны! - воскликнул прямодушный Буркин.

- Жлобы, - прогнусавил невыдержанный на язык Гуркин.

- И как они это объясняют? - язвительно спросила Журкина.

- Так они тебе и скажут... - встрял Луркин. - Когда они перед народом отчитывались? Им на него...

- Подождите, господа, - перебила всех Пуркина, - пусть доскажет...

- Рассказывай, - резюмировал прения Хуркин.

- Короче так... Первое, по существу самого памятника вопросов нет, - отчеканил-отрапортовал Шуркин, - Памятник решено поставить...

- Что значит «решено»? - возмутился Буркин.

- Мерзавцы, - прогнусавил Гуркин.

- Да. Как это «решено»?.. И кем это «решено»?..

- скептически спросила Журкина.

- Так они тебе и скажут... - фыркнул Луркин. - Когда они перед народом...

- Подождите, господа, - повысила голос Пуркина. - мы так ничего не узнаем...

- Продолжай, - кивнул Шуркину Хуркин.

- Короче, мэрия по нашей инициативе... я это подчеркиваю, - председатель постучал по столу указательным пальцем, - По нашей инициативе мэрия решила сама поставить памятник Немцову, как уроженцу нашего города...

- А «почетного гражданина» им, значит, жалко?! - возмутился Буркин.

- Подонки.

- погоди ты с «почетным гражданином», - громко и ясно восстановил статус-кво Хуркин и снова кивнул Шуркину.

- Для почетного гражданина нужно, чтобы Борис сделал что-нибудь для самого города. Мэр так прямо и сказал... А он у нас только родился... Этого недостаточно...

Буркин хотел снова возмутиться, но суровый взгляд Хуркина пресек попытку прервать председателя.

- Теперь о самом памятнике... - Шуркин обвел присутствующих взглядом и гордо сообщил: Решено поручить эту работу самому Зурабу

Церетели. Он уже дал свое предварительное согласие... Я с ним из мэрского кабинета лично по прямому телефону говорил...

Все, за исключением перешедшего на единственное число Гуркина, промолчали и озадаченно переглянулись.

- Я думаю, возражений не будет?.. - продолжил Шуркин.

- Главное - это памятник, а кто там от него лишнее отсечет - это вопрос десятый, - подержал его эрудит Буркин.

- Церетели - это большие деньги, - загнусавил не меньший эрудит Гуркин, - Кто банкет оплачивать будет?..

В этот раз умолкли все.

- Не беспокойтесь, я это обсудил и уладил, - обнадежил собратьев по борьбе довольный собой Шуркин, - Памятник будет возведен на бюджетные деньги. Таким образом, друзья, собранные нами средства мы сможем пустить на другие нужды... насущные, например...

Собрание облегченно вздохнуло, переглянулось, кивнуло.

- Между прочим, твоя секретарша мне вчера на повышение зарплаты намекала... - доложила Шуркину Журкина.

- Ну и народ!.. - воскликнул Луркин, - Мы ему работу предоставляем, а он все еще не доволен...

- Отсталые люди, - согласился Буркин.

- Быдло, - прошипел Гуркин.

- Это не в первый раз уже... Надо ее уволить и взять студентку на подработку... Или инвалида... - предложила прагматичная Пуркина.

- Я сейчас, - Хуркин встал и вышел из кабинета.

Оппозиционеры притихли, вслушиваясь в звуки за дверью, но разобрать из-за покрытой дерматином брони что-либо членораздельное было невозможно.

Через пару минут Хуркин вернулся с новостью, что секретарша готова работать за половину оклада.

- Где это видано? - искренне удивился Буркин.

- Ее за нами следить подослали... У нее второй оклад в конторе капает... - прищурился Гуркин.

- Ну и народ... Сами не знают, что им надо... - всплеснул руками Луркин.

- Где ты вообще нашел такую дуру? - пристально посмотрела на председателя Журкина.

- Я считаю, что все-таки следует ее уволить, -

заявила Пуркина.

Хуркин встал, но Шуркин остановил его:

- Я потом... сам... Сейчас нужно с памятником закончить... Господа, прошу не перебивать, а то мы так с вами до полной победы полного либерализма в отдельно взятой стране никогда не закончим... Итак, э-э-э... на чем мы... Итак, по памятнику все, я надеюсь, понятно...

Соратники дружно закивали.

- Теперь - по месту... Место мэрия нам предложила хорошее... На виду у прохожих... у горожан и туристов... и... Короче, отличное место... отличное... Не где-нибудь на пустыре... или на окраине... нет... Короче, это на площади... напротив нашего цирка... прямо у фонтана... Зураб Константинович сказал, что у него от этого места сразу же идея возникла в голове его... - Шуркин посмотрел на товарищей с надеждой найти понимание, - Фонтан, вода... Москва-река... улавливаете?..

Товарищи затихли и, вероятно, именно этим и занимались.

- Я в искусстве ничего не смыслю, но... Главное, чтоб памятник! - прервал молчание и поднял свой голос «за» Буркин.

- Да. Нам важна не художественная часть, а

внутреннее содержание... - подхватила «за» Журкина.

- Это больше, чем памятник. Это символ. Народ должен помнить своих героев, - добавил «за» необходимого пафоса Луркин.

- Все-таки у цирка это как-то... Уместно ли?.. - засомневалась Пуркина.

- Ты не права, - строго ответил ей Хуркин, - Боря ценит хорошую шутку и сам... тоже... Помнишь, как он этих дегенератов... «Интернетовские хомячки»... - он засмеялся.

- Борис, как никто, знал свой народ, - хохотнул Луркин.

- Да. Я тоже считаю, что не место красит памятник, - самоутвердилась Журкина.

- Так что ничего страшного нет, - продолжил развивать свою мысль Хуркин, - А место и впрямь хорошее... Идут горожане - привет Боре! Гуляют туристы - тоже привет Боре! Проезжают машины... велосипедисты... и так далее...

- Вот и отличненько... Я тоже так подумал... И вообще, не думаю, что конфронтация с властью по такому пустяку в наших интересах... Нам пошла навстречу, и в данной на сегодняшний день непростой политической

обстановке будет неправильным воротить нос... - с чувством выполненного долга завершил отчет о поездке в мэрию Шуркин.

- Я предлагаю на сэкономленные деньги издать сборник любимых Бориных песен, - добавил свои пять копеек Гуркин.

На том и порешили. Секретарша сбегала за коньяком, лимоном и шоколадом и, пока воодушевленная ячейка отмечала радостное событие, отпечатала протокол и резолюцию оппозиционного собрания. К вечеру документы были подписаны и разосланы во все информационные агентства земного шара и посольства дружественных оппозиционной ячейке держав.

Наутро весь мир узнал, что 9 октября 2019 года в городе Сочи будет торжественно открыт памятник Борису Ефимовичу Немцову работы почетного легионера национального общества искусств Зураба Константиновича Церетели.

9 октября 2019 года все прошло как нельзя лучше. При невиданном с олимпийских игр скоплении туристов мужского пола и спортивного телосложения, окруживших

пространство вокруг городского цирка плотными рядами, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин перерезал заранее подпиленную красную ленточку предварительно затупленными (на всякий случай) ФСО ножницами и, словно кимоно с соперника, резким движением сдернул покров со скульптурной группы «Владимир Владимирович Путин диктует Боре Немцову итоговый доклад».

Мастер превзошел себя: на титановом мостике, переброшенном через фонтан, сидел гигантский бронзовый Путин в горнолыжном комбинезоне и болтал ногами; внизу, у воды на гранитном камушке, поджав под себя ноги, приютился похожий вместе и на «Мальчика, извлекающего занозу», и на Васнецовскую «Аленушку» мраморный Немцов с гусиным пером в руке и раскрытым блокнотиком на коленях. На латунной табличке, выполненной в виде тетрадного листа, крупными буквами была выведена бессмертная цитата покойного: «Я убежден, что следующим президентом должен быть Владимир Владимирович Путин. По крайней мере, я его буду всячески поддерживать. Борис Немцов».

ПУТИНИАНА

СИСЬКИ-МАСИСЬКИ

Заместитель Руководителя Администрации Президента и по совместительству пресс-секретарь президента Российской Федерации Дмитрий Сергеевич Песков ехал в резиденцию «Ново-Огарево» с тревогой в сердце и пропотевшими насквозь ладонями. Впереди предстояла беседа с президентом, и она обещала быть непростой.

Пыточных подвалов, расстрелов, судебных процессов и обязательной последующей реабилитации Дмитрий Сергеевич несколько не боялся, тем не менее, раздражать Владимира Владимировича ему совершенно не хотелось. «Как истинный патриот моей родины, я не могу безучастно смотреть на оскорби-

тельные насмешки, которыми подвергают вас, дорогой... нет, дорогим был Леонид Ильич... которыми подвергают вас, любимый... нет, это о Ким Ир Сене... подвергают вас... мудрый, великий, единственный... пиздец, надо же, корейцы все хорошие эпитеты запатентовали... Так, подвергают нас... блядь... вас, вас... подвергают вас высокочтимый... несравненный... нет, это все-таки слишком... вас... вас... которыми подвергают такого незаурядного руководителя как вы, безродные невежи и склочники, кормящиеся... лучше – жирующие... да... жирующие на гранты своих заокеанских покровителей. Отлично. Так и скажу, если что...».

Мордовороты из Федеральной службы охраны тщательным образом пресс-секретаря обыскали, в присутствии дежурного врача сделали колоноскопию и под руки довели до дверей президентского кабинета. Дмитрий Сергеевич поправил усы и открыл дверь.

Путин бросил короткий взгляд на Пескова и в очередной раз отметил, что его златоуст со своими усиками походил на персонажей немецкого порно семидесятых-восьмидесятых

годов, под которое он частенько драчивал в Дрездене, когда у Людки вдруг раскальвалась голова. Эх, молодость, молодость... Собственно говоря, исключительно за эту порновнешность Дмитрий Сергеевич Песков и был взят на столь ответственную работу, как только непроизносимый Ястржембский стал произносимым, а вопрос «Ху из мистер Путин?» навяз в зубах.

- Зетц дих, Сергеич.

- Спасибо, Владимир Владимирович, все хорошо... - по-немецки пресс-секретарь не разумел, потому продолжал топтаться у двери.

- Чего столбом стоишь? Садись да выкладывай, что там у тебя накипело.

Дмитрий Сергеевич тотчас сел и нарочито тяжело вздохнул.

- Что, все так плохо?

- Даже хуже, - кивнул Песков.

Президент уже было собрался нахмурить лоб, но, вспомнив о переливающимся в мягких тканях ботоксе, остался непроницаем:

- Слушаю тебя.

- Владимир Владимирович, вам... Нам... Вам просто необходимо поменять дискурс...

- Что это?

- Ну, это то, что вы говорите во время официальных выступлений, интервью и...

- Вот тебе раз. Что ты мне подсовываешь, то я и выступаю. Я же не сам эту пургу выдумываю.

- Владимир Владимирович, вы меня не так поняли... Я хотел сказать... Владимир Владимирович, я с себя ответственности не снимаю...

- Давай покороче. Зачем менять этот... Как ты там это сказал?..

- Дискурс.

- Вот, вот... Так зачем, скажи на милость, тебе менять мой дискурс? – снова не нахмурился президент, хотя очень хотел.

Путин не любил инициативщиков и энтузиастов и относился к ним с крайним подозрением, поскольку с молодых обкусанных ногтей усвоил, что говно тогда особенно сильно пахнет, когда в нем начинаешь ковыряться. Вся дальнейшая жизнь вполне доказала правоту этого детского наблюдения.

- Владимир Владимирович, каждое ваше слово подвергается сомнению... Не одно-два... ну, три... а каждое... Все подвергается анализу и обсуждению... Все... Экспертов развелось... аналитиков... Не продохнуть... Какие там щи...

Вы им про экономику, и тут же все вокруг экономистами оказываются... Вы им про культуру, и экономисты вдруг как один искусствоведы... Про армию, - все - генералы, не меньше... Про религию, - от теологов отбоя нет... Вы в Париж, - здравствуйте, дельтапланеристы... Вы в душ...

- Брежнева под конец вообще слушать перестали, а разговоров было... не меньше, чем сейчас... И без интернета... На кухоньке... подомашнему... - снова вспомнил молодость Путин.

Впрочем, в данный конкретный момент президента гораздо больше занимало ощущение сползания левой щеки вниз к челюсти: он чуть подался вперед, опер скулу о кулак и сделал вид, что внимательно слушает. Дмитрий Сергеевич по-своему расценил этот жест и выдал заготовку:

- Как истинный патриот моей родины, я не могу безучастно смотреть на оскорбительные насмешки, которыми подвергают вас, дорогой Владимир Владимирович, безродные невежи и склочники, жирующие на гранты своих заокеанских покровителей.

- Какая муха его укусила? Или играет?.. При-

кидывается... Соскочить решил? - подумал Путин и спросил: «И какие у тебя предложения?»

Дмитрий Сергеевич откашлялся, проверил на месте ли усы...

- Владимир Владимирович... Я долго думал и нашел, как мне кажется, идеальное решение... Владимир Владимирович, вас дискурс должен быть необсуждаем. Дискурс, не требующий доказательств. Чтобы ни один доморощенный эксперт никогда не подкопался...

- Я тебе соскочу... Будешь тут со своей Навкой мне порносеансы устраивать каждый вечер... Я тебе такой тройной аксель в тулуп вставляю... - размышлял Путин, пытаясь вернуть щеку на ее первоначальное место.

- ... И мы не скатимся до тривиальных истин типа дважды два – четыре или две параллельные прямые не пересекаются... - продолжал увлекшийся пресс-секретарь.

- Сергеич, что за привычка сопли жевать? Давай, не тяни... - щека, наконец, вернулась восвояси, и президент расслабился, - Конкретно... какие будут предложения?

- Предложение будет такое... К следующему вашему выступлению, Владимир Владими-

рович, я подготовил вот такой вот примерно текст, - Песков выудил из папки распечатку, выпрямился и поставленным голосом затянул: «Консервативная механическая система находится в положении устойчивого равновесия, если потенциальная энергия системы в этом положении имеет строгий минимум, из чего следует, что положение равновесия механической системы в однородном поле тяжести будет устойчивым, когда центр тяжести системы занимает наинизшее положение». - Детали мы уточним позже... Сейчас нам... вам... нам... вам необходимо принципиально решить с новой концепцией...

В течение первых суток после эпохальной речи президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина комментаторы хранили гробовое молчание. Эксперты с техническим образованием на всякий случай проверили точность формулировки и, не найдя ошибки, стали ждать реакции гуманитариев, которые со своим толкованием действительности не торопились, поскольку абсолютно ничего не поняли.

На вторые сутки президент Российской

Федерации, отвечая на вопрос журналиста «Немецкой волны», недвусмысленно заявил: «При данных внешних условиях, препятствующих достижению системой равновесного состояния, стационарному состоянию системы соответствует минимальное производство энтропии. Если таких препятствий нет, то производство энтропии достигает своего абсолютного минимума – нуля».

Экспертное сообщество потеряло дар речи. Исключение составили известный эстонский писатель Веллер, - ему очень нравилось отчетливо выговаривать хоть какие слова, признанная специалистка по осциллографам Юлия Латынина и отважный школьник из Купчино, внезапно обнаруживший родственную связь автора теоремы с братьями Пригожиными, ресторатором, музыкальным продюсером и организатором «фабрики троллей».

Западные новостные агентства текст не перевели, но сухо констатировали отличную физическую форму российского самодержца.

Еще через день, на совещании с постоянными членами Совета Безопасности президент походя отметил, что момент равно-

действующей системы сил относительно любого центра или оси равен сумме моментов сил этой системы относительно того же центра или оси, и...

Пламенный публицист Андрей Пионтковский раз и навсегда сорвал покров с тайны Кремлевских башен; теперь стало ясно как дважды два, что в одной засели математики, а в другой физики, и в их споре и должна разрешиться судьба Российской Дзюдохерии.

Блогосфера вздохнула с облегчением и принялась выдавать мегабайты в поддержку химиков, убедительно доказывая самим себе, что негативная коннотация глагола «химичить» - это проклятое наследие Золотой Орды.

Привычная жизнь вошла в колею по колено.

Был тихий теплый вечер, светили фонари, звезды и луна. Заместитель Руководителя Администрации Президента и по совместительству пресс-секретарь президента Российской Федерации Дмитрий Сергеевич Песков и его олимпийская супруга подъезжали к резиденции «Ново-Огарево».

По сценарию там сгорела проводка, сломалась

плита на кухне или засорился водосток раковины...

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИФТ

Грибника, который хотел честно получить причитающиеся ему двадцать пять процентов, сперва просто задержали, но по здравому размышлению решили от него избавиться. Времена на дворе стояли вегетарианские, потому и заморачиваться с фабрикацией дела не было никакой нужды: немедленно распив пол-литра водки, младший сержант, сержант и старший сержант забили бедолагу прямо в дежурке, после чего закопали в соседнем огороде.

Теперь предстояло скоротать вечер в ожидании руководства и мечтах о грядущих чинах и наградах. Младший сержант даже дос-

тал из тайника лейтенантские погоны и при-
нялся проковыривать в них дырочки. Только
он перешел к шестой, в поселковый пункт
охраны правопорядка влетел начальник РУВД
в сопровождении двух заместителей. Убедив-
шись, что аккуратно завернутая в газету наход-
ка – оно самое, они передушили сержантов
натруженными борьбой с преступностью
руками и, пустив красного петуха, помчались
на доклад в область.

В начале второго ночи они строевым
шагом вошли в загородный особняк томяще-
гося ожиданием начальника УВД области и
подчиненным голосом рапортовали о своей
удивительной находке. Полковнику МВД хва-
тило одного наметанного взгляда: перед ним
действительно было оно. Подарок судьбы.
Какие открывались перспективы. Он от души
поблагодарил сотрудников за проявленные на
посту храбрость и профессионализм и пере-
стрелял их из их же табельного оружия. В
Москву!

Полковник любил детей, поэтому в
столицу было решено ехать всей семьей.

Засветло он погрузил домочадцев в личный «Мерседес-Бенц» последней модели и, желая избежать досужих разговоров, направился в аэропорт соседней области. Машина бесшумно скользила по шоссе; на пассажирском сиденье супруга полковника оберегала ценный груз, помещенный в красивый пластиковый контейнер, сзади посапывали курносыми носами нарядные детишки; хотелось петь.

На восемьдесят втором километре автодороги «КАМАЗ» на полной скорости прекратил эту идиллию и скрылся в неизвестном направлении. Тотчас же к месту ДТП подъехала неприметная иномарка с замызганными номерами. Неприметный мужчина в штатском подошел к искореженному «Мерседесу»; разглядев в мешанине металла и мяса яркий контейнер, попытался вытащить его, но хватка женщины оказалась смертельной. Десять минут он отпиливал ей руки, еще через пятнадцать он подошел к стойке регистрации. Точно по расписанию самолет вылетел в Москву.

Чтобы не тревожить пассажиров неостывший труп неприметного мужчины

вынесли последним. Молоденькая стюардесса, которая весь полет весело щебетала с покойным, вышла из здания аэропорта и села в подъехавший черный джип с тонированными стеклами. Ее будут насиловать три дня и три ночи, а затем сожгут за ненадобностью вместе с пустым пластиковым контейнером.

Золотая шкатулка с натуральным сокровищем была безотлагательно доставлена спецрейсом в Сочи, где на Красной поляне резвился Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Руководитель Государственной Фельдъегерской службы Российской Федерации генерал-полковник Тихонов вошел в рабочий кабинет президента и положил шкатулку на стол. Владимир Владимирович приподнял крышку, выполненную в форме шапки Мономаха...

...Это было прошлой зимой в окрестностях Байкала. Принц Монако Альбер гнал по тайге снегоход, сзади к нему нетерпеливо прижимался Владимир Владимирович и покусывал ушко. Доехав до живописного берега озера-моря, Альбер заглушил мотор и

послушно приспустил штанишки. В этот самый ответственный момент из тайги вышел разбуженный ревом двигателя медведь...

- Ну и обосрались мы тогда с Альбертиком, - улыбнулся Президент Российской Федерации и сунул шкатулку в карман.

ГАМЛЕТ 007

Привычка, выработанная годами, сломалась, и президент Российской Федерации проснулся ровно на час раньше обычного. Он попытался снова заснуть, но не смог: в голову уже залезли мысли... Впрочем, нет, мысль была всего одна, но сформулированная предельно четко и ясно. Это тоже была привычка, выработанная километрами отчетов, справок и докладных записок: не растекаться мыслью по древу, а быть предельно конкретным, выхватывая из потока информации самую суть вещей... Она-то первой и вошла в голову Путина; выглядела суть страдательным залогом глагола настоящего времени единственного числа третьего лица - «заебало». Этим

утром выяснилось, что заебало буквально все...

На шестьдесят пятом году жизни Владимиру Владимировичу страстно хотелось быть расточительным и неотразимым. Хотелось прожигать жизнь во всех мировых столицах вместе взятых, быть героем светских хроник и пенных вечеринок, соблазнять длинноногих красавиц и соблазняться еще более длинноногими... Какой толк от миллиардов долларов, дворцов, самолетов и яхт, если вместо обольщения гладкокожих отроковиц с вздернутыми розовыми сосками каждый божий день приходится выслушивать доклады прощелыг-губернаторов или с серьезным лицом разглядывать фантастические макеты несуществующих заводов, комбинатов и фабрик. И зарубежные гастроли тоже ничем не лучше...

«Одна прожженная комса Меркель чего стоит... Или еще хуже - всучат панду мохнатую, а сами щерятся и фотографируют... как в зоопарке... Бараны... Филармонию устроили... Да этот дегенерат Трамп всю свою жизнь только кантри слушал... Та же, блядь, бала-лайка... На хера, спрашивается, ему Бетховен?

Людвиг ван... Шайсе... Ему и в цирке скучно будет... а все же сидит как все... С понтом – музыковед... Терпит, бля, мучает себя... Приедет, приглашу его в Мариинку на балет, - пусть старпер на наших девчонок подрочит... Они ему что хочешь обоссут... только скажи...».

Подполковник Путин никогда не предполагал, что останется в Кремле слишком надолго: первоначальная договоренность с ансамблем «Ельцин - я и вся моя семья» была только на один-два сезона. Он долго сомневался; его убеждали, что не боги горшки обжигают, и изображать самодержца всея федеральной Руси - не бог вещь что, и... «Побольше непонятого, а остальное люди додумают сами...», - сформулировал альфу и омегу русской власти скромный распространитель билетов Боря Березовский.

Так и случилось. Владимира Владимировича очень позабавила всеобщая суматоха после дедушкиного финта ушами... «Ху из мистер Путин?» В шесть дней он надиктовал журналистам свою официальную биографию, после чего задал своему отражению

тот же вопрос: «Вер зинад зи, хер Путин?» - «Президент Российской Федерации...», - в ушах гудел незабываемый и удивительный ответ диктора в золотом Андреевском зале. Один из десятка тысяч подполковников, разбросанных по голубой планете...

В первое свое дефиле по пурпурным дорожкам дворца Путин был смущен и очень скован. Он неуверенно шел по длинному людскому коридору, чувствуя тренированной спиной теплые дружественные взгляды миньонов цековского царя... «Вживаться, вживаться, вживаться», - решил тогда Владимир Владимирович. И вжился.

Следующая церемония прошла намного лучше: взгляды остались лишь у лично знакомых, а вихлять тазобедренными суставами под музыку Александра было куда вольготней. Успех случился оглушительный. Критики аплодировали, восторженная публика хлопала в ладоши; полная касса и цветные портреты в каждом прохожем месте дополняли картину всенародного ликования.

В зените славы Владимир Владимирович собирался триумфально сойти с подмостков и наслаждаться жизнью, приторговывая

ликом на международных базарах тщеславия, но внезапно грянувший кризис спутал все карты...

Честь офицера не позволила Путину бросить на произвол судьбы голодающих сирот давшего дуба балаганщика, и он, скрипя зубами, битый сезон изображал ассистента третьего могильщика... Оставить сцену после такого афронта было унижительно, и пришлось начинать все сначала.

Некоторые сложности возникли с «jeune premier», который, став кумиром модной тусовки после роли удалого воеводы в местечковом блокбастере «Покоритель Цхинвала», примеривался к образу Прекрасного принца; однако душеприказчики царя Бориса зарубили сценарий будущей мегакомедии, и Владимир Владимирович автоматически получил ангажемент еще на два сезона.

Возвращение на арену организовали скромно в тесном кругу статистов без помпы и ненужных излишеств. Прославленный полководец был жалок, быстро нализался и лез целоваться; президент, напротив, был бодр, уколот ботоксом и полон великих идей...

В предложенных обстоятельствах Пу-

тин перевоплотился в многоликого Зевса, но результат оказался более чем скромным: раек и партер привычно устроили бурную овацию, бельэтаж возмущался ценами на билеты, ложи пустовали. Последнее было нестерпимо... Любовь публики преходяща, признание, а то и черная зависть корифеев – вот высшая оценка мастерства... Задетый за живое, он перевел место действия хепшенинга в аутентичные декорации и от души поддал натурализма... Галерка неистовствовала и ревела от восторга, партер рукоплескал, подсчитывая убытки, бельэтаж несколько проредел, ложи продолжали пустовать, критики разделились. Путин был близок к провалу...

Пришлось отказаться от иностранных заимствований и взяться за доморощенных персонажей. Владимир Владимирович долго и вдумчиво перебирал знакомые маски...

Иван Грозный был великолепен, да и Гундяева придушить совсем не жалко, одно плохо – фактура не та.

Неприкрытое хамство Александра Третьего импонировало, однако он тоже обладал слишком громоздким телом.

Кандидатура Петра Великого отпала по

той же физиологической причине.

Александр Первый?.. «А неплохо бы въехать на белом танке в Париж. Вот это будет эффект... Ради такого можно и Москву сжечь... Даже две...».

Николай Первый блестяще расправился с оппозицией, но с позором просрал Севастополь...

Ленин развалил Россию, которую мы потеряли...

Сталин... Право, такое затруднение – выбор... Ошибиться было никак нельзя: две неудачи объяснить можно, три подряд означали окончательный конец карьеры, безжалостный и бесславный... Сталин или не Сталин... Скромн, суров и скрытен...

Иосиф Виссарионович подходил почти идеально, в том числе по размеру, но, увы, Гитлера для победы над ним же на горизонте не наблюдалось; что касается репрессий, то без Вавиловых, Троцких и Хармсов прославиться кровожадностью не было ну абсолютно никакой возможности. Не создавать же своими руками репутацию третьесортным выскочкам и серости... «Сапожник без сапог... Что за подлое время мы живем?!» - с горечью и

тоской воскликнул Путин. После смерти Махатмы Ганди посоветоваться было решительно не с кем. «Или, Или! Лама савахфани... Ни трагедии, ни драмы... «Кушать подано» в императорской короне... Фарс... А годы летят... Скоро шестьдесят пять... Гонорары тратить некогда... И это путь миллиардера!.. Все фарс... И человек смертен... И иногда вдруг внезапно...». Минутные слабости случаются у всех, в том числе у президента Российской Федерации, но на то он и был Путин, чтобы не раскиснуть и преодолеть предложенные обстоятельства.

Осенний день выдался пасмурным, тяжелые, как ядра Царь-пушки, облака назло метеорологам сгустились над главным городом их любимой родины и рассеиваться не собирались. Ветер привычно порывался трепать и рвать афиши, но светодиодные модули на рекламных конструкциях держались намертво и бесконечно транслировали шедевральную нетленку от Никиты энд Федора «55+9+...».

Под этой хмарью с самого рассвета стекались в центр поближе к Кремлю оббренданные москвичи и не годящиеся в подметки

татарам многочисленные гости столицы в протертых китайских лохмотьях. Ни стар, ни млад не желал пропустить президентский карнавал с последующими праздничными гуляниями и обязательным торжественным салютом в конце. К полудню видеоэкраны переключились на Красную площадь, ликующая толпа уплотнилась, а кольцо «космонавтов» на подступах к стенам Кремля утроилось; торговцы снедью и биотуалеты работали на износ...

Спасские куранты отзвонили двенадцать раз, и глубокий голос диктора объявил выход президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. Красная площадь, заполненная строго по утвержденному ФСО плану, притихла и устремила взоры на башенные ворота, от которых, словно высунутый язык, тянулась к Лобному месту багровая с золотым узором ковровая дорожка. У Исторического музея притихли и устремили взоры заgrimированные под рабочих и фермеров курсанты военных и полицейских училищ; у стен ГУМа притихли и устремили взоры переодетые учителями, медиками и научными работниками сотрудники ФСБ; у задрапированного фанерой Мавзолея то же сделали

всамделишные военные и полицейские чины. И только вокруг самого памятника древнерусской архитектуры вип-единения не было: коллеги с многочисленными немymi вопросами в очах перешептывались; на соседней трибуне наследственная интеллигенция обеих столиц силилась изобразить гордое достоинство...

Из-под свода Спасских ворот Путин вышел в белоснежном костюме, белоснежной рубашке, белоснежном галстуке, белоснежных туфлях и с белоснежным полотенцем на правом плече. Владимир Владимирович шел легко и свободно, как заслуженный курортник на побережье Мертвого моря. Легко и свободно он миновал почетнейший караул у Лобного места, поднялся по ступеням на верхнюю площадку и, окинув простым и нежным взором притихшую публику, приветливо помахал ей обеими руками. С Тверской донесся исступленный вой голытьбы. Выдержав паузу, диктор еще более глубоким голосом объявил вынос Святой Ендовы и, пока два нарядных солдата Президентского полка чеканным шагом несли золотой сосуд, поведал всему миру о славном боевом пути рукомоЙника и его многочисленных правительственных наградах...

Президент кивнул служивым, подставил под поток воды белые ухоженные кисти, омыл их тщательным образом, привычным жестом стряхнул последнюю каплю на столетние камни и предъявил чистые руки людям... С Тверской снова раздался восторженный гам. Обе виш-трибуны забыли былые обиды и активно переглядывались, пытаясь разгадать экспромт корифея; внезапно нестерпимо захотелось писать...

Гимн Российской Федерации грянул без объявления. Все встали. Все умолкли. Все замерли.

Путин тоже замер и уставился в небо. Из кучерявого облака над его головой выполз трос с массивным крюком и опустился до самого Лобного места. Владимир Владимирович заправским жестом Бонда откинул полу пиджака, подтянул крюк к себе, прицепил к поясу, взмыл ввысь и, помахав городу, стране и миру рукой, как олимпийский Мишка лапой, исчез в грозových небесах.

С Тверской летело протяжное «ура!»; телеоператоры уловили запах жареного и фиксировали для Истории растерянные выражения элитно-творческих физиономий; сами вишы

впервые вслушивались в слова гимна, считая секунды до завершения последнего куплета и припева...

Знакомая мелодия неожиданно наполнилась не менее знакомыми аккордами из передачи «Что, где когда?»; вспыхнули прожекторы и захватили точку серого неба, из которой вылезли высокие черные сапоги, военный английский френч защитного цвета и шлем от Гагаринского скафандра. К окончанию предисловия поэмы ряженный стал на Лобное место, и незабываемый и удивительный голос диктора с чувством произнес: «Четвертый и окончательный Президент Российской Федерации Юрий Виссарионович Пушкин!»

Знать на обеих трибунах облегченно вздохнула и ухмыльнулась своему испугу: «Ай да Путин, ай да сукин сын...».

Юрий Виссарионович поднял забрало, и все увидели родное каждому русскому сердцу африканское лицо с бакенбардами. Окончательный президент с кавказским акцентом громко продекламировал вечную борзопись «Клеветникам России» и добавил: «Поехали!» Мужеподобные правительственные дамы и женоподобный Владислав Юрьевич Сурков

грохнулись в обморок на крымский долерит...

Конечно, никто никуда не поехал... Все плавно и организованно переместились в Кремлевский дворец на триумфальный банкет, где бойкий Юрий Виссарионович без устали удивлял публику своими виршами. Вечером, как и намечалось, был салют, и меткие артиллеристы зажгли в черном московском небе девиз на веки вечные «У вас ничего не было и для вас ничего не изменится».

ЭПИЛОГ

Приблизительно в семнадцать часов тридцать минут по средневропейскому времени в резиденции заслуженных граждан Австрийской республики Тани и Вали зазвонил телефон.

- Алло, - сказала Таня.

- Алло, Таня? Это – я, Рома. Он выгнал меня из дому!.. Он у меня все отобрал... Абсолютно все...

- Кто?

- Это Рома... Рома Абрамович...

- Я поняла... А кто выгнал-то? Кто «он»?

- Как кто? Он!..

...

- А кто же сейчас там... в России?

- Да какая хуй разница, кто там сейчас в этой сраной России!.. Таня, мне жить больше нигде, у меня больше ничего нет! Ничего... Я – никто, я - бомж!

Над британской столицей вошла улыбчивая луна, и заунывный баян где-то затянул «Поезд мой идет на Воркуту»; от Лиссабона до Варшавы с улиц стекала русская пена...

ДЮЙМВОВКА

(сказка)

В ту холодную осень крысы в Ленинграде народились необыкновенные: тучные телами, мохнатые шкурами, лапами когтистые, челюстями зубастые и носами нюхастые... Спозаранку до полночи кучились они в темных подворотнях и парадных, пощелкивая, словно плетьюми, толстыми розовыми хвостами, лезли в авоськи и оттянутые поклажей карманы прохожих, забирались под юбки молодухам, задирали пугливых горожан...

Особенно страдал от лютующих пасюков ленинградский школьник Вовка Владимирович Путин. Каждый вечер, свернувшись

эмбрионом под одеяльцем, он с тоской в душе думал о том, что утром ему предстоит полный опасностей путь в школу, путь, который проходил через парадное его дома, потом наискосок через небольшой двор, в конце через тесную мрачную подворотню; где-то там его наверняка будут поджидать... И каждый вечер маленький Вовка выдумывал, как ему избежать засады и западни и не попасться в крысиные лапы, но у него ничего не получалось: если двор и даже ужасную подворотню еще можно было хоть как-то обойти, то каким способом миновать незаметно свою собственную парадную?.. «Вот бы выпрыгнуть из окна Петькиной комнаты, - мечтал Вовка. - Второй этаж - не шибко высоко, да и листьев срести - пару пустяков, чтоб мягче приземляться...». Однако у хитрого замысла имелся изъян в виде Петькиных родителей: тетя Оля никогда и никому не позволила бы сигать вниз из их квартиры. «И дядя Леша тоже не согласится...», - с безысходной грустью вздыхал Вовка и снова принимался за несбыточные фантазии... Нашептывая себе под нос в сотый раз новый неосуществимый план, он засыпал тяжелейшим сном. Радость утреннего пробуждения

всегда была короткой: серое ленинградское небо напоминало огромную крысиную шкуру, и Вовкино сердечко сжималось комом, предвкушая будущий холод страха, и хотелось снова юркнуть под одеяло и забыться.

Крысы уже раз отобрали у него лыжную шапочку. Тогда Вовка попался им в узком проходе между домами на улице Красной конницы. После школы он пошел в игровой павильон Таврического дворца посмотреть на настольный хоккей... Неподалеку от входа в сад его грубо окрикнули, настойчиво плечо обхватили хвостом. Он вырвался, побежал со всех ног, помчался, не разбирая дороги... Погоня случилась короткой: чужого квартала Вовка не знал и, несколько раз свернув наугад, наткнулся на гогочущую стаю сам. Первым делом с его головы сбили-стадили шапчонку, затем потянулись к портфелю и дернули резко пальто воротник... Он не сопротивлялся, покрившись злодейке-судьбе, но вдруг невесть откуда раздался спасительный протяжный свисток. Вовка так и не понял, милиционер ли то был или дворник, потому что машинально разбежался во все стороны вместе с крысами...

Отдышался он только на улице Воинова, стер со лба пот, поправил челку и тут же физически ощутил утрату; он сел на край свободной скамейки и заплакал. Было жаль отобранную шапочку, было жаль самого себя, а еще нужно было что-нибудь сочинить родителям, которые наверняка его отругают... От таких невеселых мыслей Вовка зарыдал горше прежнего.

Проходящий мимо школьник сперва прекратил бойко размахивать авоськой с книгами, потом замедлил шаг, остановился, подошел совсем близко, с секунду смотрел на ровесника, разбитыми губами с сочувствием спросил: «Крысы?» Вовка, всхлипнув, кивнул, начал стирать слезы с глаз... Увидел кареглазого мальчика в новеньком чуть мешковатом пальто «на вырост», его лыжную шапочку, которая была точь-в-точь, как и его, Вовкина, только другой расцветки и с маленьким помпоном, и опять залился слезами...

- Шапку забрали, - пожалился он, - такую же, как твоя... как моя... у тебя... моя... моя...

- Дома-то сильно влетит?

- Угу...

Чернявый мальчик потер ладонью лоб,

недолго подумал о чем-то:

- Ладно... Тогда, если хочешь, бери мою... - сказал, чуть помедлил, решаясь... и снял лыжную шапочку со своей кудрявой головы.

- Как?.. А ты?.. - удивился Вовка и от этого даже перестал плакать.

- Я?.. Ничего... Мне тут рядом... Ладно... Давай... Пока... - мальчик, к ушам подняв воротник, пошел своею дорогой; обернулся и крикнул, - Ты, если спросят, скажи, поменялся... Шапками-то... Чтоб не ругали... Давай... - он взмахнул на прощанье и с непокрытой головой гордым уверенным шагом скоро исчез в переулке...

Долго Вовка смотрел ему вслед; вспомнил, что видел такое пальто на манекене в красивой витрине на Невском. Высушил щеки ладошкой, вздохнул, пощупал плотный шерстяной шарик, покрутил подарок неожиданный, проверил изнанку... Белую метку увидел и вырвал зубами, выплюнул под ноги в грязь лоскуток «Миша Берг, 3 класс».

С того случая минули две полных тревог и панического трепета недели: обстановка в Ленинграде лучше не становилась.

Повсюду ходили слухи. Как-то с коммунальной кухни до Вовкиных ушей дошел разговор, что где-то совсем неподалеку от их Баскова переулка потерявшие всякий страх грызуны поймали и зверски избили школьника; взяли поживой портфель, пальто и ботинки...

Представив себе потерю пальто и ботинок, Вовка с ужасом вжал голову в плечи:

- Все, что угодно, но только не пальто с ботинками... Все что угодно...

С шапкой тогда обошлось: отец с матерью с радостью поверили в неравноценный обмен и даже похвалили за сметку... Другое дело - пальто. Пусть и такое, как его, перешитое из старой генеральской шинели...

- Да и кто ж пальто отдаст?.. Шапка что?.. Пальто - дело другое... Кто ж его отдаст?.. Свое?.. Вот так просто, за здорово живешь?.. Что ж теперь делать? - крутилось в Вовкиной головенке.

Вечером выход был найден под одеялом: жуть бздехам - хороший и верный советчик:

- Побегу в школу в одной форме и в тапочках... Форма-то крысам зачем?.. Они тоже школу не любят... Скажу, что будильник...

проспал... в класс... на урок торопился... Будут смеяться... И пусть... и плевать... зато зверски не избыют... буду целый... здоровый... живой... пальто и ботинки на месте...

Долго сказка сказывается - быстро дело делается. Утром Вовка намеренно тянул время: долго умывался, долго одевался, долго размазывал по тарелке перловку и дул на горячий чай, долго размешивал сахар. Минута таяла за минутой... И вдруг посмотрел на кукушку с часами, вскочил, цапнул портфель, стрелой пробежал коридор, нахлобучил на голову шапку и только, вышел; прижал спиной дверь, услышал защелки щелчок, перевздохнул, шаг вперед сделал, глянул в расщелину лестничного пролета, насторожился... Мягко скользя по истертым ступеням войлоком тапок, он начал тихонько спускаться... Этаж за этажом... Перехватив дух... Дойдя до второго, остановился, прислушался... И решил. Скатился на первый кубарем. До тяжелых дверей грязной парадной подать рукой было; упереться плечом и навалиться всем хлипким телом...

Дверь на редкость легко отворилась, и Вовка в ужасе замер...

- Смотри-ка, какой головастик... Куда спе-

шим?..

Раздался разноголосый гогот; тычок в грудь отбросил Вовку к подвальной лестнице. Он тут же поднялся, но отступил, прикрываясь портфелем: мгновенно пространство парадной заполнили серо-бурые крысы. Ударил в нос гнусный затхлый запах; напуганный Вовка снова попятился, сделал несколько неуверенных шагов вниз... Тупые и свирепые грызуны медленно и молча выстраивались рядами, с любопытством разглядывали добычу, принюхивались, щерясь желтыми резцами. Он шагнул ниже, больно уперся спиной в навесной замок на железном засове... Забился в угол, зажмурил глаза, чтобы не видеть носы, вытягивающие воздух, острые зубы и когти... Замершее от ужаса Вовкино сердечко внезапно забилось... заколотилось... упало в живот... налило в штаны... оросило тапочки... выкатилось... и запрыгало вверх по ступенькам... Пасюки переступили его, надвинулись скопом, нависли... Щелкнули челюсти...
- Атанде! - позади нестройных рядов окрысившихся мохнатых шкур вынырнула исполинская туша, стиснутая разошедшимся на швах детским пальто, - Атанде!.. - инкрусти-

рованной бриллиантами тростью пахан стаи ловко остановил закатившееся сердечко, словно заправский Фирсов клюшкой, покатав его слева направо и метким ударом отпасовал в ноги мальчику. - Атанде!.. Зенки разуйте... Он - наш... Он - из наших...

Расталкивая соратников, здоровенный вожак пролез сквозь шеренги канализационных бойцов и вплотную подошел к окаменевшему Вовке; прищурился-пригляделся, внюхался и ухмыльнулся аммиачному запаху, левой лапой трехпалой поправил сбившуюся на ухо лыжную шапочку:

- Как звать, братишка?

Вовка сухими губами прошептал свое имя.

- Ай да Вовка!.. Хвалю!.. Козырно ты мелкого жиденка надул... На жалость фраера библиотечного взял... И не подкопаться... Ведь сам шапку отдал?.. Сам... сам... - ветеран сточных канав хохотнул глухим утробным смехом, - Учитесь! - продолжил он, обернувшись к своим, - Учитесь! Вот, как надо работать... Очкарики-инженеришки... Все сами дадут... добровольно... Только нужен крученный подход... Он вот, - крыса ущипнул мальчонку за щеку, - скумекал...

Зажмурив глаза, Вовка вслушивался в тираду крысиного бугая и с каждым новым словом приходил в себя. Действительно, как ловко он этого с книжками... Раз и в дамки... И не подкопаешься... Не подкопаешься... Он ожил, раскрыл глаза, расправил плечи, деловито сплюнул.

- Так я... того... Как увидал зубрилу этого, так сразу и решил... Хотел пальто еще, да он быстро убег... Ссыканул, сука...

- Пальто? Ну-у, это ты уж махнул... Ты, шкет, ври да не завирайся... - рядом с трехпалым вожаком возник вертлявый пасюк.

- Качбос, пасть завали... - рывкнул пахан, - Пальто, говоришь?.. Как-нибудь будет тебе и пальто... Вовка... Вовка... Вовка-морковка... Будет тебе и пальто, обещаю...

- Когда? - выпалил вконец осмелевший Вовка.

- Не торопись, сынок...

- Когда? - не унимался маленький житель ленинградской коммуналки.

- Дай только срок... Я не забуду тебя... Чую, еще нам сгодишься...

- Когда? Когда? - настаивал мальчик.

- Как я вернусь - значит, время... Яробом кличут меня... Яроб-таркомед... Так и запомни...

Он дружески хлопнул Вовку по плечу, развернулся, отдал крысиной бригаде команду «Ходу!» и, переваливаясь с лапы на лапу, торопливо направился к дверям парадной.

- Дядя Яроб, дядя Яроб, а можно мне с вами? Можно мне прямо сейчас?

- Можно Машку за ляжку, - прошипел ему в ухо со злобой гнусный коржавый Качбос.

- Дядя Яроб, можно, а? - прокричал Вовка и, решительно оттолкнув завистника, побежал за паханом.

- Нет! Ты остаешься!.. - рявкнул в ответ таркомед, но тут же смягчился. - До лучших времен... Не дрейфь, никто тебя больше не тронет. Крысы своих не бросают...

Парадная опустела в мгновение ока. Шестерка Качбос подмигнул напоследок, тяжелую дверь за стаей бесшумно прикрыл. Вовка бросился следом, но споткнулся о свое упавшее сердце... упал в грязь и больно ушибся головой о ступеньку.

Испачканными руками ленинградский школьник Вовка Владимирович Путин поднял свой уже охладевший мотор, прижал к горячей шишке на лбу и, шаркая по земле ногами в войлочных тапочках, смело поплелся в класс.

ЗОЛОТО "СКИФА"

...Работа кипела. Несколько раз Остап звонил в Санкт-Петербург бывшему чиновнику мэрии, известному доке по части коммерческих тайн. Теперь на электронный адрес конторы приходили письма с тяжелыми, как холодные котлеты, вложениями, содержащими копии документов, аудио и видеофайлы. Кое-что из этих писем и файлов незамедлительно шло в расположенную на рабочем столе желтую папку «Дело Владимира Владимировича Путина»...

В маленьком бистро искусственных оздоровительных соков, на вывеске которого были намалеваны темно-синие яблоки и ярко-

красные сливы, сидели за белым столиком Балаганов и Паниковский. Шура жевал трубочку, следя за тем, чтобы крем не выдавился с противоположного конца. Этот харч богов он запивал минеральной водой коричневого цвета. Михаил Самуэлевич пил целебный смузи. Перед ним стояли уже шесть пустых стаканов. Из седьмого он озабоченно выковыривал густую разноцветную жидкость.

- Хороший город Москва! - сказал Паниковский, облизываясь. - Молочный смузи хорошо помогает от сердца.

Это сообщение почему-то рассмешило Балаганова. Он неосторожно прижал трубочку, из нее выдавилась толстая колбаска крема, которую уполномоченный еле успел подхватить налету.

- Знаете, Шура, - продолжил Паниковский, - я как-то перестал доверять Бендеру. Он что-то не то делает.

- Ну, ну! - угрожающе сказал Балаганов. - Тебя не спрашивали.

- Нет, серьезно. Я очень уважаю Остапа Ибрагимовича: это такой человек!.. Я против него ничего не возражаю. Но мне кое-что не нравится. Вы знаете, Шура, - зашептал Пани-

ковский, - я очень уважаю Бендера, но я вам должен сказать: Бендер - осел! Ей-богу, жалкая, ничтожная личность!

- Но, но! - предостерегающе сказал Балаганов.

- При чем тут но-но? Мы с вами получаем мизерный оклад, а он купается в роскоши. И зачем, спрашиваю я, он ездил в поселок Соловьевка? Он говорит - в командировку. Не верю! Паниковский не обязан всему верить! И я бегал для него на вокзал за билетом. Заметьте себе, за купейным билетом. Этот фронт не может ездить плацкартой! Вот куда уходят наши деньги! А я принужден отказывать себе в молочном смузи, который нужен мне для здоровья. Я старый, больной человек. Скажу вам прямо: Бендер - это не голова.

- Бендер сделал из вас человека. Вы получаете ставку, вы член акционерного общества... - заступился за любимого начальника Балаганов.

- Я не хочу быть членом никакого общества! Ни акционерного, ни спортивного, ни какого другого... - заявил Паниковский и, понизив голос, добавил: ваш Бендер - идиот. Затеял эти дурацкие розыски, когда деньги можно сегодня же взять голыми руками.

- Снова за старое? - грозно спросил Балаганов.

- Забыли про гири?..

- При чем тут гири?.. Гири... Что вы заладили? Имеет пожилой человек право на ошибку? Вы сами никогда не ошибались?..

Шура, сама жизнь которого была сплошной ошибкой, нахмурил лоб и задумался, а задумавшись, засомневался.

- Вам, Шура, я скажу, как родному... - пользуясь замешательством коллеги, Паниковский пододвинулся к Балаганову и полным нелегальности голосом поведал о серьезнейшем опыте, который он проделал на свой страх и риск.

В тот день, когда великий комбинатор и Балаганов гонялись по всему Лондону за Абрамовичем, Паниковский самовольно бросил контору, тайно проник в гараж Путина и, пользуясь отсутствием хозяина, произвел в нем внимательный осмотр. Конечно, никаких денег он в гараже не нашел, но он обнаружил нечто получше - коллекцию старинных струнных инструментов.

- Я стоял перед этими виолончелями, альтами и контрабасами и бешено хохотал. Какой подлец этот Путин! Накупил себе инструментов, засунул в гараж с какой-то «Нивой» с

прицепом и думает, что никто не узнает, - Паниковский торжественно взглянул на Балаганова.

- И что мы будем с ними делать?.. - разочарованно молвил Шура. - Зачем они нам?.. Я и играть-то на них не умею..

- Вы знаете, Шура, как я вас уважаю, - загорячился Паниковский, - но вы - осел. Это же Амати... Это Гварнери... Это, наконец, Страдивари...

Балаганов, который из итальянцев знал только братьев Армани с вещевого рынка в Люблино, снова нахмурил лоб.

Чтобы развеять сомнения партнера, Паниковский достал свой потертый долгими странствиями смартфон, зашел на страницу энциклопедии, составленной интернациональным консорциумом детей Брокгауза и Ефрона, и окончательно перешел на шепот:

- Слушайте, Шура, что пишут просвещенные люди. 16 мая 2006 года Кристиз продал Страдивари на аукционе за рекордные три миллиона пятьсот сорок четыре тысячи долларов США. Вы слышали, три миллиона пятьсот сорок четыре тысячи!

Паниковский поднял голову и принялся

считать. Он перевел доллары в твердую, как дерево, родную валюту и получилась такая заманчивая цифра, что нарушитель конвенции легонько взвизгнул.

- А кто такой этот Кристиз? Я о таком раньше и не слыхивал... Где мы его найдем?.. - спросил любимый сын лейтенанта, которому очень хотелось, чтобы Паниковский возможно скорее развеял его сомнения.

- Не знаю, кто такой этот Кристиз, но уверен, что мой знакомый господин Биберхам даст не меньше... Вам, Шура, я скажу как родному, разве я рассказал бы вам этот секрет, если бы мог унести все эти виолончели и контрабасы один? Но я старый, больной человек, а их слишком много и они большие... И я вас приглашаю как родного. Я не Бендер. Я честный!

- Да, - сказал Балаганов, моргая рыжими ресницами, - теперь мне ясно. Смотрите, пожалуйста, старик - и все раскрыл! А Бендер действительно что-то не то делает: пишет бумажки, ездит... Мы ему все-таки дадим часть, по справедливости, а?

- С какой стати? - возразил Паниковский. - Все нам! Теперь мы замечательно будем жить,

Шура. Я вставляю себе золотые зубы и женюсь, ей-богу женюсь, честное, благородное слово! Ценные инструменты решено было изъять без промедления.

- Заплатите за смузи, Шура, - сказал Паниковский, - потом сочтемся.

В одиннадцатом часу молочные братья проникли в гараж Путина. Наскоро осмотрев коллекцию, они принялись нагружать прицеп «Скиф» струнными, отдавая предпочтение виолончелям и контрабасам, за которые по уверению нарушителя конвенции господин Биберхам даст много, много больше, чем за какие-то маленькие невзрачные скрипки. Укладывая инструменты ровными рядами, Михаил Самуэлевич с любовью поглаживал пузатые футляры и бормотал: «Женюсь! Честное, благородное слово, женюсь!» Покончив с погрузкой и накрепко обвязав поклажу веревкой, лейтенантские дети собрались было забраться в «Ниву», но к их удивлению двери автомобиля не поддались.

- Шура, разбейте стекло. Только тихо. Очень тихо, - скомандовал окончательно взявший бразды правления в свои руки Паниковский. Балаганов снял со стены гаража разводной

ключ, обмотал его своим грязным носовым платком и аккуратно стукнул по окну водительской двери. Тонированное стекло не разлетелось вдребезги, оно не разбилось и даже не треснуло. Второй раз он ударил сильнее, но результат был тем же: в гараже раздался лишь глухой звук.

- Что такое?! - удивился Балаганов.

- Вы - жалкая, ничтожная личность! - вскипел нетерпеливый Паниковский. - Дайте сюда это железо. Я покажу вам, как нужно работать.

Он вырвал из рук Балаганова разводной ключ, размахнулся и что есть мочи врезал по окну. От сильного удара в нем образовалась вмятина и треснула покрывавшая его эмаль.

- Ничего не понимаю! - сказал Шура.

Он поковырял пальцем в трещине и отколупнул от тонированного стекла кусок черной краски. В сумрачном свете гаражной лампы сверкнуло золото...

Молочные братья оледенели и, не двигаясь с места, водили глазами по «Ниве»... Весь автомобиль, это средство не роскоши, но передвижения и гроза пешеходов, весь он, от кузова до шин, весь он в малейших деталях представлял собой слиток драгоценного

металла. Так вот оно где, сокровище подпольного миллиардера Путина. Вот оно, все тут. Его можно было потрогать руками, но его нельзя было унести, на нем нельзя было уехать...

Михаил Самуэлевич погладил руками капот, пощупал алмазные фары. Холод камня передался в самое его сердце. И он закричал... Закричал бешеным, страстным и диким криком.

Между тем Остап Бендер заканчивал жизнеописание Владимира Владимировича Путина. И чем больше он писал, тем больше его одолевали сомнения. Все ясное становилось неясным. Фигура воблогозого лилипута растворялась среди таких же упырей, разбросанных по всей необъятной России и составлявших длинную цепь, которая вела к патентованным проходимцам Гайдару и Авену на службе у подзаборного президента Ельцина...